A 288/150

А 288
А 150.

Н. ТИЧЕРЪ

„ЕДИНСТВО ШКОЛЫ"

ДЛЯ ВСЕГО НАРОДА,

КАКЪ ТРЕБОВАНІЕ РУССКИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

А 288/150

Н. ТИЧЕРЪ

„ЕДИНСТВО ШКОЛЫ"

ДЛЯ ВСЕГО НАРОДА,

КАКЪ ТРЕБОВАНІЕ РУССКИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ

ПУБЛИЧ. И РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

2007044298

Синодальная Типографія.

ОБЩІЙ ПЛАНЪ И СОДЕРЖАНІЕ.

Гл. I. *Къ вопросу о возникновеніи идеи «единой» школы въ Россіи.*— Исторически школьное дѣло въ Россіи слагалось по принципу множественности и разнообразія. Принципъ «единства» школы возникъ только за послѣднее время. Общекультурный смыслъ этого принципа. Какъ этотъ принципъ выраженъ въ программахъ русскихъ политическихъ партій. Чѣмъ вызвано общее согласіе политическихъ партій въ этомъ пунктѣ. Мотивировки этого требованія въ программахъ нѣтъ. Необходимость обсудить проблему «единой» школы съ педагогической точки зрѣнія. Со стороны партій это требованіе не педагогическое, а политическое. Оно возникло на почвѣ взаимной конкурренціи партій, какъ способъ привлеченія избирателей. Для примѣра критически разсматриваются требованія программы соціалъ-демократовъ по вопросамъ народнаго образованія . . . . . стр. 1.

Гл. II. *Единая школа, какъ средство для соціальнаго мира, для внутренняго согласія и всеобщаго единенія.* Солидарность и братство, какъ цѣль и преимущество единой школы. Въ какихъ формахъ оно могло бы зарождаться среди дѣтей въ школѣ. Что показываютъ дѣйствительныя наблюденія надъ школьниками. Контрасты «совмѣстной» «единой» школы и ихъ вліяніе на психику дѣтей. Можетъ-ли принципъ классоваго сознанія быть педагогическимъ принципомъ. Два типа учениковъ. Рознь и классовая вражда возникаютъ въ самой жизни, независимо отъ школы . . стр. 14.

Гл. III. *Можетъ-ли быть «единая» школа дѣйствительнымъ выраженіемъ высшей соціальной правды.* Въ чемъ состоитъ соціальная справедливость въ сферѣ школьнаго образованія. Перестановка вопроса: главное— не проблема единства, а проблема бѣдности, имущественнаго неравенства. Можетъ-ли государство сдѣлать такъ, чтобы въ сферѣ образованія и школы не было никакого неравенства между всѣми слоями населенія. Почему не можетъ. Примѣры того, къ чему ведетъ осуществленіе соціалистическихъ шаблоновъ. Широкій доступъ талантамъ изъ народной среды къ высшимъ призваніямъ жизни—какъ одна изъ задачъ реальной политики . . стр. 20.

Гл. IV. *Какъ смотрѣть на «единую» школу съ точки зрѣнія воспитанія и обученія.* Необходимость обсудить принципъ «единства школы» съ чисто-педагогической точки зрѣнія. Какъ врачъ лечитъ для того, чтобы человѣкъ могъ жить сообразно природѣ, такъ и школа приготовляетъ ученика для жизни при данныхъ общественныхъ условіяхъ. Какъ извратили этотъ принципъ соціалисты «единой» школы. Какимъ образомъ въ ту же ложь запутываются родители, ученики и учителя. Семья, какъ единица общественнаго союза, въ которой впервые зарождается сознаніе цѣнности образованія, какъ основной педагогическій мотивъ. Нельзя смѣшивать цѣли

школы «народной» и школы «ученой». Народная школа должна имѣть въ виду положенія семьи, промысловъ, ремеслъ даннаго края и его природу. Недостатокъ въ этомъ отношеніи «единой» школы, въ которомъ сознаются теперь даже сами соціалисты. Англійская школа, какъ примѣръ школы, организованной по принципу приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ стр. 26.

Гл. V. *Американская народная школа, какъ практическое осуществленіе идеи «единой» школы.* При обсужденіи вопроса объ единой школѣ необходимо обратиться къ практикѣ, т. е. разсмотрѣть единую школу въ томъ видѣ, какъ она фактически осуществлена. Американская народная школа, какъ образецъ «единой» школы. Исторія ея возникновенія, объясняемая особенностями американской демократіи (народоправства). Характеристика курса наукъ въ американской народной школѣ. Описаніе американской средней школы (High School). Сопровождается ли «единая» школа въ Америкѣ тѣми благодѣтельными послѣдствіями, какія ожидаютъ отъ нея ея сторонники: положеніе въ Америкѣ соціальнаго вопроса; положенія учащаго персонала. Американскій народъ доволенъ своей школой, но удовлетворенъ-ли онъ ей. Какъ можно судить объ этомъ по школьной статистикѣ: насколько усердно посѣщаютъ маленькіе американцы школу; продолжительность учебнаго года по сравненію съ другими государствами; какой процентъ учащихся изъ начальной школы переходитъ непосредственно въ среднюю школу. Дѣтскій трудъ въ Америкѣ. Способна ли «единая» школа вызвать сильную диффузію образованія въ народныя массы . . стр. 39

Гл. VI. *Вопросы, связанные и связываемые съ единой школой.* а) Чѣмъ объясняется увлеченіе «единой» школой. Дѣйствительная причина заключается въ недовольствѣ существующими школами и стремленіе къ реформамъ во что бы то ни стало. Страхъ предъ нищенской школой. б) Вопросъ объ образованіи даровитыхъ и талантливыхъ дѣтей изъ народа, какъ насущная задача нашего времени. в) Смѣшеніе идеи «единой» школы съ понятіемъ единства образовательнаго идеала. Важность вопроса объ единомъ идеалѣ образованія. Постановка этого вопроса, данная въ 60-хъ годахъ знаменитымъ Н. И. Пироговымъ . . . . . стр. 51.

I.

Къ вопросу о возникновеніи идеи «единой» школы въ Россіи.

Исторически народное образованіе въ Россіи слагалось не по принципу единства школы, а по принципу разнообразія и множественности школъ. Въ Россіи существуютъ различнаго типа школы для сельскихъ и городскихъ жителей, бѣдныя и богатыя сословія учатся въ различныхъ школахъ, существуютъ особыя школьныя учрежденія для сословія учителей, духовенства, военныхъ, дворянъ. Наша начальная школа не задается спеціальною цѣлію подготовлять дѣтей къ среднему образованію. Средне-учебныя заведенія, въ свою очередь, не приспособлены исключительно къ цѣлямъ высшаго образованія; извѣстно, что изъ реальныхъ училищъ, кадетскихъ корпусовъ, духовныхъ семинарій, учительскихъ семинарій и институтовъ, по русской школьной системѣ, до самаго послѣдняго времени, нельзя были непосредственно переходить въ университетъ и др. высшія учебныя заведенія. Съ этимъ разнообразіемъ школьныхъ учрежденій гармонируетъ разнообразіе тѣхъ вѣдомствъ, которыя завѣдуютъ и руководятъ школьнымъ дѣломъ. Не говоря о средне-учебныхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже начальное народное образованіе въ Россіи подѣлено между двумя вѣдомствами: Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія (министерскія школы и земскія школы) и Вѣдомствомъ Православнаго Исповѣданія (церковныя школы).

Идея единства школы для всего народа явилась въ Россіи только очень недавно, она—всецѣло порожденіе новаго времени; она возникла на поворотѣ нашей исторіи, при возникновеніи новыхъ законодательныхъ учрежденій: Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Однако, не смотря на такой юный возрастъ, эта идея, какъ мы увидимъ далѣе, свила себѣ очень прочное гнѣздо въ программахъ нашихъ политическихъ партій.

Но что такое принципъ единства школы, въ чемъ онъ долженъ выражаться на практикѣ? Практически онъ состоитъ въ такой организаціи народно-школьнаго дѣла, при которой всѣ образовательныя учрежденія, существующія въ данномъ обществѣ, должны быть безусловно доступны для всѣхъ и каждаго. Мыслима такая объединенная народно-школьная система, въ которой различные типы высшихъ школъ выростали бы только какъ вѣтви единаго ствола, а этимъ стволомъ являлся-бы общій для всѣхъ дѣтей школьный курсъ. Такъ какъ всѣ граждане имѣютъ равное право на образованіе, то должна быть единая всеобщая народная школа, въ которой учились бы дѣти всѣхъ гражданъ, богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и не знатныхъ, безъ различія ранговъ, сословій, состояній. Всеобщая единая школа важна тѣмъ, что она демократизируетъ образованіе: дѣлаетъ всѣ его ступени одинаково доступными всѣмъ гражданамъ. Кромѣ того имѣетъ значеніе и та стройность, гармоничность, которую она вноситъ въ систему народнаго образованія. Если согласиться съ проф. Паульсеномъ въ томъ, что основной чертой въ развитіи школьнаго дѣла современной эпохи являются двѣ особенности: демократизація образованія и увеличивающаяся соціализація образовательныхъ учрежденій, то требованіе единой школы является какъ нельзя болѣе соотвѣтствующимъ общему духу времени.

Замѣчательно отношеніе къ этому вопросу русскихъ политическихъ партій. Оказывается что въ этомъ пунктѣ сошлись почти всѣ политическія партіи: отъ крайнихъ лѣвыхъ до крайнихъ правыхъ.

Такъ въ программѣ соціалъ-демократической русской партіи читаемъ § 14:

«Даровое и обязательное обученіе, общее и профессіональное, для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16 лѣтъ; снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждою и учебными пособіями за счетъ государства».

Партія соціалистовъ-революціонеровъ также высказывается за «установленіе обязательнаго равнаго для всѣхъ общаго свѣтскаго образованія на государственный счетъ».

Еще болѣе подробнѣе говоритъ программа партіи «свободомыслящихъ»: Долженъ быть поставленъ на очередь вопросъ о проведеніи въ жизнь начала единства школы, особенно общеобразовательной, всѣхъ трехъ ступеней—низшей, средней и высшей. Это единство должно выражаться какъ въ строѣ школъ, допускающемъ переходъ учащихся въ школы типа высшаго, такъ и общемъ образовательно-учебномъ идеалѣ».

Тоже требованіе единства школы мы видимъ въ программахъ болѣе умѣренныхъ и совсѣмъ правыхъ партій.

Такъ, 52 § программы конституціонно-демократической партіи гласитъ: «Между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ должна быть установлена прямая связь для облегченія перехода отъ низшей ступени къ высшей».

Тоже и совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится въ программѣ Умѣренно-прогрессивной партіи. «Прогрессивно-экономическая» партія кратко требуетъ «согласованія низшей, средней и высшей школы». Октябристы или Союзъ 17-го октября такъ же, касаясь народнаго образованія, говорятъ въ своей программѣ слѣдующее: «Должны быть пересмотрѣны (школьныя) программы съ цѣлію ихъ упрощенія и приближенія къ потребностямъ жизни и должна быть установлена прямая преемственная связь между различными ступенями обученія».

«Партія правового порядка» не выясняетъ этотъ пунктъ въ своей программѣ, говоря о народномъ образованіи только слѣдующее: «Общеобязательное даровое обученіе народа въ школахъ съ полною программою по образцу народныхъ училищъ въ просвѣщенныхъ государствахъ». Въ извѣстной мѣрѣ то же требованіе единства школы проводится и въ программѣ «Союза русскаго народа». Это будетъ ясно, если сопоставить такое выраженіе программы: «упраздненіе ненужныхъ государству и народу учрежденій и привилегированныхъ учебныхъ заведеній» и слова послѣдняго партійнаго съѣзда въ Москвѣ (20 іюля 1907 г.), высказавшагося, что Союзъ стоитъ «за здоровую національную школу, всѣмъ доступную».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ партіи единодушно требуютъ школы единой для всего народа, въ которой низшая, средняя и высшая ступени были въ прямой преемственной связи. Въ частности, по отношенію къ условіямъ русскаго школьнаго дѣла, партіи не могли не обратить вниманіе и на разнообразіе административнаго управленія школами и вотъ одни изъ нихъ вообще требуютъ, чтобы школа была «свѣтской», т. е. независимой отъ Церкви (крайнія лѣвыя партіи, напр., соціалъ-демократы); другія же опредѣленно указываютъ, что завѣдываніе начальнымъ школьнымъ образованіемъ должно быть отдано «органамъ мѣстнаго самоуправленія» (конституціоналисты-демократы и партія прогрессивно-экономическая); другіе, наоборотъ, говорятъ, что «единство административнаго управленія и контроля надъ всѣми школами имперіи должно обезпечиваться министерствомъ народнаго просвѣщенія» (партія свободомыслящихъ); Союзъ 17 октября, требуя единства школы, совершенно не выказывается въ своей

программѣ объ организаціи школьнаго управленія; Союзъ русскаго народа требуетъ, чтобы школа «стояла подъ руководствомъ и надзоромъ Церкви и государства». [1]

Чѣмъ вызвано такое согласіе партій, въ другихъ отношеніяхъ непримиримыхъ между собою (напр., соціалъ-демократовъ и октябристовъ), въ этомъ основномъ пунктѣ? Почему всѣ партіи указываютъ на единство школы, какъ на одно изъ наиболѣе существенныхъ реформъ въ дѣлѣ народнаго образованія? Если бы единство школы было чѣмъ-то аксіоматическимъ въ педагогикѣ, если бы оно представляло само-по себѣ безспорную истину или самоочевидное преимущество въ школьномъ дѣлѣ, то согласіе партій въ этомъ пунктѣ былобы понятнымъ. Но, вѣдь, до настоящаго время единство школы не является непререкаемой истиной; преимущество его не установлены въ педагогикѣ безспорно и не апробованы вполнѣ педагогической практикой. Правда, на первый взглядъ можно подумать иначе. Всякій скажетъ, что если курсъ низшей школы будетъ спеціально приспособленъ для того, чтобы подготовить ученика для средней школы и облегчить для него усвоеніе ея курса, и если въ такомъ же отношеніи будетъ среднее образованіе къ высшему, то успѣхи учениковъ отъ этого должны повыситься, не говоря уже о томъ, что такимъ путемъ будетъ внесено строгое однообразіе и стройность въ систему школьнаго образованія. Но такъ можно разсуждать только съ очень упрощенной, обывательской точки зрѣнія. На самомъ же, народное образованіе на столько сложно и на столько тѣсно переплетено со всѣми условіями народной и государственной жизни, что судить о немъ съ точки зрѣнія стройности и гармоничности никакъ нельзя. Стройность общаго плана еще не обезпечиваетъ совершенства самаго дѣла,— и это не только въ вопросахъ образованія, но и во всѣхъ другихъ областяхъ. Тѣмъ болѣе не можетъ господствовать подобная формальная точка зрѣнія въ школьномъ дѣлѣ. Что касается до облегченія курса для учениковъ, то этотъ частный, чисто дидактическій, вопросъ здѣсь конечно, не можетъ играть важной роли; мы увидимъ, что онъ связанъ съ такими условіями, которая лишаютъ его рѣшающаго значенія.

Это тяготѣніе русскихъ политическихъ партій къ единой школѣ тѣмъ болѣе странно, что единство школы вовсе не является въ настоящее время обще-европейскимъ идеаломъ.

---

[1] Резолюція партійнаго съѣзда въ іюлѣ 1907 г.

Единство школы, болѣе или менѣе опредѣленно, существуетъ только въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ Скандинавскихъ государствахъ, кантонахъ Швейцаріи и въ Австріи. Во всѣхъ другихъ, высоко-цивилизованныхъ государствахъ его нѣтъ. Правда, оно существуетъ еще въ Венгріи, Хорватіи (Кроаціи), Славоніи, Босніи, Болгаріи, Сербіи, Румыніи. Но здѣсь оно служитъ не обнаруженіемъ превосходства въ школьномъ дѣлѣ, а показателемъ бѣдности этихъ народовъ, ихъ отсталости и несовершенства въ этомъ отношеніи. И потому сторонники единой школы обыкновенно стараются умалчивать объ этихъ странахъ и не указываютъ на нихъ, какъ на примѣръ единства школы. Міровое главенство въ педагогическомъ дѣлѣ доселѣ еще принадлежитъ Германіи. Но здѣсь-то какъ-разъ и нѣтъ единой школы. И доселѣ германская педагогика представляетъ мысль объ единствѣ школы, какъ принципъ совершенно новый, и относится къ нему вполнѣ критически.

Германія, какъ извѣстно, уже пережила первый и самый опасный моментъ увлеченія идеей «единой» школы. [1] Господствующая здѣсь система народнаго, особеннаго высшаго образованія, въ настоящее время тѣснѣйшимъ образомъ связана съ гегемоніей Германіи въ современномъ промышленномъ и ученомъ мірѣ. Такимъ образомъ здѣсь создался спасительный консерватизмъ, гарантирующій школу отъ коренныхъ потря-

---

[1] Еще въ 1819 г. въ Пруссіи явился проектъ школьнаго закона, составленный Сюверномъ (Süvern), который гласилъ: «Школа расчленяется на три ступени: всеобщая народная школа, всеобщая городская школа и гимназія. Эти три ступени должны быть разсматриваемы какъ единое учрежденіе для учащагося юнаго поколѣнія всего народа и посему должны быть приведены въ органическую между собою связь». Этотъ проектъ не получилъ силы закона въ Германіи. Но онъ энергично былъ поддерживаемъ извѣстными педагогами того времени. Напр., Ад. Дистервегъ (1790—1866) въ своей «Программѣ будущей народной школы» (Programm für die Volksschule der Zukunft) говоритъ: «Школа есть школа для народа (ist eine Nationalschule), она не знаетъ дѣленія по сословіямъ». Въ томъ же направленіи дѣйствовали ученики Дистервега, педагоги Рих. Ланге и Диттесъ. Съ этого времени на «единую» школу, какъ на идеалъ будущаго, нерѣдко указывалъ «Нѣмецкій учительскій Союзъ»; напр., на своемъ годичномъ общемъ съѣздѣ въ Кенигсбергѣ (въ 1904 г.) онъ такъ выражается объ «единой» школѣ: «Превосходную цѣль для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія нашего народа должно видѣть въ томъ, чтобы къ внѣшнему единству народа, достигнутому съ такимъ трудомъ, было присоединено единство внутреннее. Однимъ изъ средствъ, ведущимъ къ этой цѣли, является всеобщая народная школа, въ которой дѣти всего народа обучались бы вмѣстѣ, по меньшей мѣрѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ».

Впрочемъ, въ средѣ же германскаго учительства идея «единой» школы нашла себѣ строго критическій судъ. Такъ, извѣстный іенскій профессоръ, педагогъ В. Рейнъ, хотя и считаетъ полезной единую школу въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ ученія (въ своей книгѣ Pädagogik in systematischer

сеній. Идея «единой» школы можетъ всерьезъ приниматься только у народовъ съ нарождающейся культурой, которымъ, такъ сказать, терять нечего.

Мы видѣли, что политическія программы, требуя единства школы, не входятъ въ дальнѣйшую мотивировку этого требованія; какъ будто предполагая, что преимущества этого единства понятны до очевидности. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; и вотъ это обстоятельство обязываетъ русскаго педагога обратиться къ обсужденію единства школы съ педагогической точки зрѣнія. Вѣдь единство школы — вопросъ по-преимуществу педагогическій. Отсюда важно выяснить педагогическую точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Педагоги, какъ бы ни были различны ихъ воззрѣнія, должны быть выслушаны и поняты. Мало ли что говорятъ политическія партіи. Намъ, учителямъ, важно то, что говоритъ учительское призваніе—и учительскій опытъ, подкрѣпляемый педагогической наукой. Во всякомъ случаѣ, даже для того, чтобы съ толкомъ использовать свое избирательное право, мы должны дать отчетъ въ томъ, что такое «единая школа»; какія съ ней соединяются надежды, и какія предъявляютъ къ ней требованія; требуется ли она условіями русской жизни и возможна ли при настоящемъ положеніи, экономическомъ и бытовомъ Россіи.

Прежде всего важно отмѣтить то, что требованіе единства школы въ программахъ политическихъ нельзя понимать, какъ требованіе педагогическое. Дѣло здѣсь не въ педагогіи. Со сто-

---

Darstellung, однако говоритъ, что «единую школу никакъ нельзя выставлять панацеей отъ золъ общественной жизни и видѣть въ ней источникъ соціальнаго примиренія; это значило бы—преувеличивать значеніе школы». Рѣшительными противниками «единой» школы въ прежнее время явились Lüben, Meier, Berthelt, Th. Hofman, особенно W. Curtmann со своей книгой «Die Schule und das Leben» (1842 г.); въ послѣднее время Emil Ries со своей газетой Frankfurter Zeitung; Dr. Hugo Müller (книга Die Gefahren der Einheitschule für unsere nationale Erziehung, 1907).

Въ настоящее время идею единой школы въ Германіи пропагандируютъ два общества: во первыхъ «Общество Коменскаго» (Comenius-Gesellschaft), основанное въ 1901 г. въ Берлинѣ, которое издаетъ журналъ и газету: Monatsheften der Comenius-Gesellschaft u Comeniusblättern für Volkserziehung; во-вторыхъ «Общество для расширенія народнаго образованія». См., напр., книгу Die Schulkämpfe der Gegenwart (1905), принадлежащую Юлію Тевсу (Tews), генеральному секретарю этого общества. Кромѣ того за организацію «единой» школы (будущаго типа) высказались два извѣстные педагога Германіи послѣдняго времени, желающіе создать новую, такъ называемую «соціальную педагогію»: Павелъ Наторпъ (въ Марбургѣ) (кн. Die Sozialpädagogik. 2 Bände) и Павелъ Бергеманнъ—книга Soziale Pädagogik auf erfahrungswissenschaftlicher Grundlage und mit der induktiven Methode, als universalistische oder Kultur-Pedagogik 1900. Но главнымъ образомъ требуетъ «единой» школы соціалъ-демократическая партія въ Германіи,—впрочемъ изъ-за политическихъ видовъ; она видитъ въ этомъ пунктѣ очень удобный способъ для политической борьбы и выступленій противъ правительства.

роны партій—это требованіе, скорѣе, чисто политическое. Оно—плодъ борьбы партій между собою, ихъ взаимной конкуренціи. Мы теперь только входимъ, что называется, во вкусъ того, что такое «парламентарная» форма правленія. Масса политическихъ партій предлагаетъ свои услуги народу. Каждая партія торгуется съ избирателями. Зазывая въ свою лавочку, партіи прельщаютъ избирателя всевозможными обѣщаніями.

— «Садись къ намъ, мы повеземъ тебя быстро, и цѣну малую возьмемъ!» кричатъ октябристы.

— «Садись сюда, мы повеземъ тебя почти даромъ!» вопіютъ ка-деты.

— «Къ намъ, къ намъ!» кричатъ соціалъ-демократы и компанія. «Не только даромъ веземъ, а еще въ придачу дадимъ на калачи!»

Вотъ почти буквальный смыслъ программныхъ требованій указанныхъ политическихъ партій по аграрному вопросу. Но подобная же конкуренція (кто дастъ больше?),—существуетъ и по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ государственныхъ преобразованій. Напр., возьмемъ даже такой коренной вопросъ, какъ форма государственнаго правленія.

— Мы предлагаемъ Самодержавіе съ совѣщательной Думой.

— А мы конституціонную монархію!

— А мы парламентарную монархію!

— А мы республику—Царя-не-надо!

— А мы соціальную республику!

Таковы программныя требованія относительно формы правленія; послѣднія изъ нихъ напоминаютъ обѣщанія фокусника-шарлатана, который морочитъ публику, обѣщая показать, какъ онъ съ земли вскочитъ прямо въ пятый этажъ. Порожденіемъ подобной конкуренціи разныхъ политическихъ партій явилось также и требованіе единства школы, выставляемое ими въ своихъ программахъ.

Насколько малую роль играла здѣсь истинная педагогія, насколько не было даже простого пониманія условій русскаго школьнаго дѣла,—это лучше всего можно показать на примѣрѣ соціалъ-демократической партіи. Требованіе «единой» школы въ программу русской соціалъ-демократической партіи было перенесено отъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ; извѣстно, что русскіе соціалъ-демократы появились только при возникновеніи Государственной Думы; появленіе этой партіи было вызвано не столько дѣйствительными условіями русской жизни, сколько моднымъ подражаніемъ заграничному образцу, именно нѣмец-

кой соціалъ-демократіи. Не удивительно, что и программу свою русскіе соціалъ-демократы буквально списали съ нѣмецкой соціалъ-демократической программы. Если сравнить эти двѣ программы—оригиналъ и переводъ—то тожество ихъ бросается въ глаза. Напр., нѣмецкіе соціалъ-демократы требуютъ «свѣтской школы»,[1] такъ какъ они давно стоятъ во враждѣ съ нѣмецкимъ духовенствомъ, убѣдившись, что оно никогда не прельстится ихъ обѣщаніями и не будетъ голосовать въ ихъ пользу. Русскіе соціалъ-демократы, хотя и не имѣютъ никакихъ старыхъ счетовъ съ русскимъ духовенствомъ и даже, вѣроятно, никакого знакомства съ нимъ, однако также требуютъ «отдѣленія школы отъ Церкви» (§ 13 программы русской соціалъ-демокр. партіи). Нѣмецкіе соц.-демократы, требуютъ «обязательного посѣщенія общественныхъ народныхъ школъ; безплатности обученія, учебныхъ пособій и пищи въ общественныхъ народныхъ школахъ, равно и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для тѣхъ учениковъ и учениць, которые по своимъ способностямъ признаются пригодными для дальнѣйшаго образованія» (§ 7). Этотъ параграфъ русскіе соц.-демократы воспроизводятъ въ § 14 своей программы: «Даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16 лѣтъ; снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждою и учебными пособіями на счетъ государства». Такимъ образомъ, этотъ параграфъ не переведенъ буквально съ нѣмецкаго; нѣмцы требуютъ обязательного обученія въ общественныхъ школахъ; русскіе соціалъ-демократы говорятъ объ обязательномъ обученіи до 16 лѣтъ. Откуда такое различіе? Дѣло объясняется очень просто. Въ Германіи[2] общественная школа является съ восьмилѣтнимъ курсомъ, въ которую поступаютъ дѣти на седьмомъ году своего возраста и учатся до 14 лѣтъ. Русскіе соціалъ-демократы не рѣшились перевести буквально слова: «обязательнаго посѣщенія общественныхъ школъ»; они сообразили, что этого очень мало: въ Россіи народная школа только трехгодична. И вотъ они требуютъ обязательнаго обученія дѣтей до 16 лѣтъ; значитъ, предполагается, что дѣти, поступая въ школу на девятомъ году, должны проходить восьмилѣтній курсъ обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и другое требованіе нѣмецкой соц.-демократической программы

[1] См. § 7 извѣстной «Эрфуртской программы», т. е. той программы, которая установлена партійнымъ съѣздомъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ въ г. Эрфуртѣ въ 1891 году. Всѣ параграфы, указываемые далѣе въ текстѣ, относятся къ этой программѣ.

[2] Хотя и не вездѣ въ Германіи.

«запрещеніе промысловаго труда дѣтямъ, не достигшимъ 14-лѣтняго возроста», русскіе соціалъ-демократы видоизмѣнили такъ: «воспрещеніе предпринимателямъ пользоваться трудомъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ (до 16 лѣтъ)».

Изъ указанныхъ програмныхъ требованій мы видимъ что русскіе соціалъ-демократы, увлекшись подражаніемъ своему заграничному идеалу, совершенно оставили наличныя условія русской дѣйствительности и блаженно витаютъ въ области фантастическихъ мечтаній. Если въ устахъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ мысль о восьмилѣтнемъ курсѣ и обязательности обученія до 14-ти лѣтъ не кажется смѣшной, такъ какъ соотвѣтствуетъ нѣмецкой жизни: въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи дѣйствительно существуетъ такое устройство народной школы; то требованіе русскихъ соціалъ-демократовъ рѣшительно ни на чемъ не основано. Дѣти 14-ти и 15 лѣтъ въ Россіи, особенно сельской, являются интенсивными работниками, «поильцами и кормильцами»; лишиться этой рабочей силы семья ни за что не согласится. Да и несправедливо было бы требовать или принуждать ее къ такому пожертвованію силой закона объ обязательномъ обученіи.[1] Кромѣ того, если курсъ обязательной школы будетъ восьмилѣтнимъ, и дѣти будутъ кончать школу къ 16 годамъ, то въ такой школѣ должно быть много учениковъ на 17-омъ и даже 18-омъ годахъ; всегда много бываетъ такихъ учениковъ, которые опаздываютъ по случаю болѣзни или вообще, вслѣдствіи какой-либо задержки своего развитія и по другимъ разнообразнымъ причинамъ. Въ этомъ возрастѣ въ сельской Россіи женятся и выходятъ замужъ; и пожалуй, въ школахъ, особенно въ старшихъ классахъ, учениковъ не будетъ; какъ бы не пришлось завести соціалъ-демократическую полицію, которая загоняла бы дѣтей въ школу, а родителей сажала въ кутузку за неисполненіе закона объ обязательномъ обученіи. Но еще болѣе утопичной и неисполнимой оказывается программа соц.-демократовъ, если принять во вниманіе экономическія условія рус-

---

[1] Нельзя забывать въ этомъ случаѣ важнѣйшихъ данныхъ, указанныхъ Д. И. Менделѣевымъ. Россія, оказывается, чрезвычайно бѣдна «кормильцами семей» по сравненію со всѣми другими культурными странами. Въ Сѣв.-Ам. Соедин. Штатахъ число кормильцевъ составляетъ 38% всего состава жителей, во Франціи 38,3 въ Германіи даже 41,4%, а въ Россіи оно равняется только 26,5% всего народонаселенія. Въ Соед. Штатахъ на одно хозяйство приходится почти столько же людей, сколько и въ Россіи (именно 5,3 человѣка), но отъ одного кормильца тамъ зависитъ не 4 человѣка, какъ у насъ, а только около 2½ человѣкъ. См. Д. И. Менделѣевъ. *Къ познанію Россіи.* 1-ое изд. 1907. Стр. 120—122.

ской школы. Если по самымъ скромнымъ подсчетамъ, введеніе всеобщаго трехгодичнаго обученія, требуетъ расхода до 103 милліоновъ рублей, то для введенія восьмилѣтняго курса нужно эту цифру почти утроить; кромѣ того, нужно подготовить составъ учителей, которыхъ должно быть въ два раза больше, да дать этому составу педагогическую подготовку, которая была бы, по крайней мѣрѣ, въ два раза солиднѣе настоящей; придется этихъ учителей соотвѣтствующимъ образомъ обезпечить жалованьемъ и квартирой. Однимъ словомъ—предполагаются такія исполинскія предпріятія и такія колоссальныя затраты, которыя прямо показываютъ, что мы сошли съ почвы дѣйствительности и витаемъ въ мечтахъ о будущемъ, совершенно далекомъ и неизвѣстномъ. Конечно, и для самихъ соц.-демократовъ это обстоятельство не скрыто. Но эти обманчивыя мечты имъ на-руку. Занявши такую неприступную позицію, они могутъ громить какое-угодное правительство; да и всякому человѣку, который не согласенъ съ ними, которому просто надоѣло мечтать, а хочется думать о нашей бѣдной дѣйствительности и житейской правдѣ, они съ легкостью могутъ сказать: «ты не хочешь нашего идеала, не хочешь обязательнаго восьмилѣтняго курса,—значитъ, ты не учитель, а врагъ народа, ты хочешь держать его въ темнотѣ и невѣжествѣ». На самомъ же дѣлѣ, какъ и всякая политическая партія, соц.-демократы думаютъ не о томъ, соотвѣтствуютъ ли ихъ обѣщанія дѣйствительнымъ условіямъ, исполнимы ли они,—а думаютъ только о томъ, какъ бы склонить на свою сторону побольше избирателей и заполучить власть въ свои руки, такъ чтобы никто другой не смѣлъ и пикнуть.[1]

II.

«Единая» школа, какъ средство для соціальнаго мира, для внутренняго согласія и всеобщаго единенія.

Первое преимущество единой школы указывается въ томъ, что она будетъ имѣть нравственно-оздоровляющее значеніе для всего народа. Люди всѣ одинаковы по своему существу и всѣ одинаковы, какъ граждане государства, предъ

---

[1] Это, какъ нельзя болѣе откровенно, и выражено партіей русскихъ соціалъ-демократовъ, которые требуютъ: «диктатуры пролетаріата, т. е. завоеванія пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплоататоровъ».

закономъ. Но каждый истинный гражданинъ долженъ стремиться къ тому, чтобы наступили когда-нибудь внутреннее единеніе, полная солидарность и братство между всѣми членами общества и государства. Въ настоящее время въ жизни мы видимъ нѣчто совершенно обратное. Между людьми богатыми и бѣдными, между людьми различныхъ состояній и занятій, наконецъ между сословіями дворянства, духовенства, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ существуетъ рѣзкая грань, иногда полное отсутствіе не только любви, но и взаимнаго пониманія. Эта пропасть между различными состояніями дѣлается въ настоящее время все больше. Образованіе, получаемое при посредствѣ современной школы, не только не сближаетъ людей, но разъединяетъ ихъ, увеличивая, такъ сказать, внутреннее разстояніе между нами.

Защитники единства школы и указываютъ, что такая школа послужитъ соціальному миру, она возстановитъ согласіе, внутреннее единеніе и пониманіе всѣхъ массъ общества, въ настоящее время далекихъ другъ отъ друга. Съ какимъ восхищеніемъ русскіе авторы разсказываютъ о томъ, что, вотъ, напр., въ Швеціи сынъ перваго министра ѣдетъ попросту въ конкѣ, наряду съ простымъ людомъ, или, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, дочь президента республики сидитъ въ обыкновенной народной школѣ рядомъ съ сыномъ самаго послѣдняго рабочаго. Многимъ при этомъ рисуются пріятныя картины. Хорошо, говорятъ, въ такомъ юномъ и воспріимчивомъ возрастѣ посадить людей вмѣстѣ на одну школьную скамью, тогда они войдутъ въ положеніе одинъ другого, будутъ дѣлить вмѣстѣ неудачи и успѣхи. Сынъ бѣдняка разскажетъ въ простотѣ своей, что у него бываетъ дома, а сынъ богача послушаетъ и узнаетъ, что есть люди, у которыхъ даже нѣтъ хлѣба; по-неволѣ онъ почувствуетъ состраданіе къ своему товарищу, который пришелъ голоднымъ въ школу; онъ раздѣлитъ съ нимъ свой собственный хлѣбъ: «школьный товарищъ, бери у меня хлѣба, я его взялъ больше, чѣмъ мнѣ нужно». Въ такихъ фактахъ видятъ залогъ новыхъ, иныхъ соціальныхъ отношеній.

Но всѣ подобныя ожиданія и сантиментальныя картины не оправдываются дѣйствительностью. Они, наоборотъ, показываютъ нѣчто другое. Наблюденія надъ дѣтьми обнаруживаютъ, что дѣти стоятъ въ нравственномъ отношеніи на точкѣ зрѣнія эгоизма (мы не говоримъ о бывающихъ изъ этого исключеніяхъ). И это понятно: нравственное сознаніе у дѣтей еще не

развито вполнѣ. Альтруистическія чувства и принципы только въ зародышѣ. Мы знаемъ, что для глубокихъ чувствъ сострадания, милосердія и т. п. человѣкъ предварительно долженъ самъ пережить и выстрадать многое, онъ долженъ на основаніи бывшихъ опытовъ умѣть ставить себя въ положеніе другихъ. Странно, напр., было бы ожидать особаго сочувствія къ голоднымъ, холоднымъ и больнымъ товарищамъ въ дѣтяхъ богачей, когда они *сами* не испытывали на собственной шкурѣ дѣйствительнаго холода и голода, не знаютъ, что такое настоящая болѣзнь. Поэтому, хотя общеніе имущества у дѣтей въ школѣ происходитъ, но оно вскорѣ принимаетъ другія формы. На первыхъ порахъ ученика съ хорошимъ завтракомъ обыкновенно видишь окруженнымъ другими товарищами; слышатся голоса: «Дай! Дай мнѣ!» А впослѣдствіи видишь, какъ тотъ же ученикъ поѣдаетъ гдѣ-нибудь свой завтракъ въ тихомолку, вдали отъ другихъ. Увы! онъ поступаетъ, какъ совершенно взрослый; онъ узналъ по опыту, что если раздать завтракъ, то и самому не достанетъ, и никто не будетъ сытъ. Бываютъ, конечно, и такія дѣти, которыя очень внимательны по отношенію къ товарищамъ, глубоко сочувствуютъ бѣднымъ, они, будучи сами голодны, отдаютъ свой хлѣбъ нуждающимся; но обычно такія дѣти альтруистическимъ развитіемъ обязаны семейной обстановкѣ, или имѣютъ очень хорошаго законоучителя, который сумѣлъ привить имъ жизненно основныя начала ученія Христова. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ мы видимъ дѣйствіе не совмѣстнаго, съ товарищами разныхъ состояній, обученія въ школѣ, а вліяніе семьи; значитъ, не школа воздѣйствуетъ на общество, а, наоборотъ, общество чрезъ семью воздѣйствуетъ на школу.

Такимъ образомъ, видѣть въ единой школѣ, гдѣ дѣти всѣхъ званій будутъ учиться совмѣстно и изучать одинъ и тотъ же циклъ наукъ,—видѣть въ такой школѣ средство для соціальнаго мира и благоденствія едва ли возможно. Наоборотъ, многія жизненныя противоположности, сословныя и имущественныя различія еще больше могутъ обостриться при такомъ совмѣстномъ обученіи въ школѣ. Можетъ быть, на это и расчитываютъ соціалисты, требуя единой школы. Вѣдь, основнымъ принципомъ соціалъ-демократіи является классовая борьба, вражда между классами въ государствѣ. И вотъ, они стремятся развить «классовое сознаніе» возможно шире. Во всякомъ случаѣ, имъ было бы очень полезно, если бы даже школа стала развивать въ дѣтяхъ, какъ можно сильнѣе, клас-

совое сознаніе. И въ самомъ дѣлѣ въ такой школѣ бѣдному ученику еще бѣднѣе будетъ казаться его одѣяніе, еще тяжелѣе нужда, еще непріятнѣе и суше сухой кусокъ хлѣба. Какъ онъ долженъ себя чувствовать, когда увидитъ вокругъ себя безпечныхъ, разодѣтыхъ товарищей, подражающихъ послѣдней модѣ, увидитъ ихъ ловкость, ихъ умѣнье поговорить и т. п. Этотъ контрастъ долженъ непремѣнно воздѣйствовать на дѣтей извѣстнымъ образомъ. Въ русской художественной литературѣ есть не мало страницъ, хорошо иллюстрирующихъ положеніе тѣхъ дѣтей, которыя силою судебъ испытали, къ счастью или несчастью для себя, такой опытъ «единой школы», т. е. совмѣстнаго обученія съ дѣтьми богатыхъ классовъ. Подобныя страницы, живо и художественно нарисованныя, мы имѣемъ, напр., въ романахъ (особенно въ романѣ «Голь»), покойнаго Шеллера (Михайлова), гдѣ онъ описываетъ годы обученія одного изъ такъ называемыхъ «кухаркиныхъ сыновей» (послѣдній романъ, какъ извѣстно, имѣетъ біографическое значеніе для самого писателя). Соціалъ-демократія какъ бы такъ разсуждаетъ по сему случаю: «пусть сами дѣти, съ ранняго времени, почувствуютъ свое униженіе, пусть они испытываютъ щемящее чувство обездоленности; пусть они все больше и больше проникнутся сознаніемъ того, какъ тяжела ихъ участь, въ какомъ жалкомъ положеніи они находятся и должны находиться по сравненію съ другими сословіями. Это сознаніе у нихъ окрѣпнетъ; оно впослѣдствіи окрылитъ ихъ на борьбу со всѣми другими классами». Насколько сильны эти ожиданія и разсужденія и могутъ ли они имѣть хотя какое-нибудь фактическое оправданіе? Мы должны согласиться съ тѣмъ, что эти бытовыя, сословныя и имущественныя противоположности, вполнѣ возможныя въ «единой школѣ», должны непремѣнно отразиться на сознаніи дѣтей и повести къ извѣстнымъ слѣдствіямъ; но только эти слѣдствія будутъ совершенно не тѣ, какихъ ожидаютъ соціалъ-демократы. Дѣло въ томъ, что «классовое сознаніе», къ счастью, совершенно не можетъ быть педагогическимъ принципомъ, т. е. оно не можетъ быть положено въ основу воспитанія и обученія дѣтей, такъ какъ не соотвѣтствуетъ самой природѣ дѣтей и совершенно чуждо ихъ психологіи. Опытъ и психологическія наблюденія надъ дѣтьми показываютъ, что дѣти являются въ высокой степени демократичными: они не признаютъ какихъ-либо преимуществъ сословныхъ, имущественныхъ и т. д.; они чувствуютъ себя совершенными равными и по сознанію этого полнаго братскаго равенства дѣйствуютъ и относятся другъ къ другу.

Правда, и между дѣтьми существуютъ личности выдающіяся и имѣющія среди нихъ особое значеніе, которыя умѣютъ сосредоточивать вокругъ себя другихъ дѣтей, возбуждать къ себѣ послушаніе и уваженіе. Но эти «лидеры» между дѣтьми являются первыми между ними по своимъ природнымъ качествамъ: по силѣ духа, физической ловкости и т. п. Такимъ образомъ, хотя дѣти и являются демократами, но демократія ихъ истинная, а не соціалъ-демократическая: она не основывается на «классовомъ сознаніи» и не имѣетъ съ нимъ никакихъ точекъ соприкосновенія.[1]

Какъ же должны отразиться на психикѣ дѣтей тѣ рѣзкія противоположности бытовыя, сословныя и экономическія, какія будутъ въ «единой» школѣ? Контрастъ бѣдности, обездоленности и горемычнаго труда по сравненію съ привольемъ людей сытыхъ и богатыхъ можно, конечно, и въ школѣ подчеркнуть сильнѣе, придать ему еще больше горечи и остроты. И нужно замѣтить что это, хотя и рѣдко, бываетъ даже въ русской школѣ (разумѣемъ начальную народную школу). Случается это тогда, когда самъ учитель, работающій въ школѣ, является безнадежно разочарованнымъ въ своей жизни или озлобленнымъ неудачникомъ, который, вслѣдствіе глубокаго своего отчаянія, не щадитъ и дѣтей и сообщаетъ имъ свое настроеніе. Къ сожалѣнію, въ настоящее время мы имѣемъ примѣры того, что на этотъ путь вступаетъ и учебная литература. Сюда, напр., относятся тѣ авторы школьныхъ книгъ для чтенія, которые, выставляя безспорный принципъ: «пусть дѣти познакомятся съ литературой; художественная литература непосредственно говоритъ дѣтямъ сама за себя», подбираютъ въ своихъ книгахъ такія статьи для чтенія, въ которыхъ, иногда и въ художественномъ видѣ, описываются отчаянное положеніе бѣдняка, подневольный трудъ, безпросвѣтная тоска.[2] Пусть, говорятъ, дѣти знаютъ жизнь, какъ она есть, и проникаются этимъ сознаніемъ. Но къ чему, спрашивается, поведетъ въ дѣтяхъ это раннее обостреніе чувствъ, эта скороспѣлая сознательность по отношенію къ своему матеріальному и духовному убожеству и униженію. Опытъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ намѣчаются два разряда учениковъ: тѣ изъ нихъ, которые являются

---

[1] См., напр., любопытное изслѣдованіе по этому вопросу Terman'a. Preliminary study of the psychology and pedagogy of leaderschip. *Ped. Sem. Dec.* 1904.

[2] Такова, напр., тенденція недавно появившагося учебника: В. Чернышевъ «Школьникъ». Русская учебная хрестоматія для 3-го и 4-го года обученія. Спб. 1907.

болѣе стойкими и крѣпкими натурами, заражаются чувствомъ зависти и злобности: они мечтаютъ о томъ, что вотъ скоро сами «выйдутъ въ люди» и будутъ «жить не хуже другихъ»; тѣ внѣшнія преимущества, матеріальныя блага, какія можетъ предоставить наука, скоро начинаютъ выдвигаться у нихъ на самый первый планъ. Изъ-за нихъ они перестаютъ видѣть все другое. И чѣмъ болѣе такой ученикъ-дитя, а затѣмъ ученикъ-юноша работаетъ, тѣмъ напряженнѣе становится это эгоистическое чувство. «Ну что вы, говоритъ онъ родителямъ, жили-жили, ничего не нажили?»—«Ужели я, думаетъ онъ о себѣ, потратилъ столько тяжелаго труда, чтобы занять такое скромное положеніе». И конечно, совершенно нельзя ожидать, чтобы изъ такихъ лицъ вырабатывались самоотверженные защитники общаго блага; едва ли кто-нибудь изъ нихъ откликнется на зовъ поэта и пойдетъ «въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви». Совершенно иное случается съ другими учениками, менѣе стойкими въ жизненной борьбѣ. Отсутствіе бодрящихъ чувствъ, мрачныя картины жизни, доведенныя путемъ контраста и путемъ чтенія художественной литературы до глубины сознанія, поражаютъ душевную энергію такихъ лицъ. Съ возрастомъ такіе ученики пополняютъ число «нытиковъ», лишнихъ людей, неудачниковъ, которые такъ часто встрѣчаются въ жизни, и особенно въ низшихъ классахъ общества. Разсказывая свою жизнь, такой субъектъ непремѣнно разскажетъ вамъ и о своей школѣ; и вы во-очію убѣдитесь, что чаша горечи и разочарованія у него начала наполняться еще въ дѣтствѣ, когда онъ былъ юнымъ школьникомъ.

Мы не хотимъ затемнять того, что совмѣстное обученіе въ «единой» школы могло бы имѣть нѣкоторыя условія, чрезвычайно благопріятствующія соціальному миру и внутреннему объединенію людей. Въ единой школѣ ученикамъ всѣхъ состояній и сословій открывается возможность по-человѣчески сблизиться другъ съ другомъ, научиться взаимно уважать и любить другъ друга. Въ дѣтскомъ, воспріимчивомъ для всѣхъ впечатлѣній, возрастѣ они увидятъ и убѣдятся въ томъ, что здравыя сужденія, честный образъ мыслей и доброе сердце могутъ быть у всѣхъ людей и не зависятъ отъ богатства, знатности и т. п. причинъ. Здѣсь могла бы возникать между дѣтьми самыхъ различныхъ состояній первая нѣжнѣйшая дружба, которая продолжится и далѣе, по окончаніи школьнаго возраста, оставляя послѣ себя на-всегда чувство взаимной благожелательности.

Несомнѣнно, что всѣ эти обстоятельства могли бы очень много содѣйствовать соціальному примиренію всѣхъ слоевъ общества. Но, къ сожалѣнію, это возможно только въ теоріи, а не на практикѣ. Мы знаемъ, что классовая вражда, соперничество и борьба между собою различныхъ состояній, сословій и партій существуютъ въ самой жизни, независимо отъ школы. Посему тѣ нѣсколько часовъ, которые будутъ проводить ученики «единой» школы ежедневно другъ съ другомъ, едва ли могутъ прочно укрѣпить въ ихъ сознаніи чувство братства и взаимной связи, тѣмъ болѣе что подобное настроеніе внѣ школы не будетъ находить соотвѣтственной поддержки, но по большей части будетъ немилосердно нарушаться. Мы уже не говоримъ о томъ, какъ трудно спаять въ одно цѣлое разношерстное сборище людей, когда въ одну школу будутъ привлечены ученики, взятые изъ разныхъ мѣстъ, выхваченные изъ различной домашней обстановки и т. д.; несомнѣнно,—этимъ, между прочимъ, объясняется, почему въ русскихъ университетахъ нѣтъ корпоративнаго духа, студенчество дезорганизовано, воспитывающихъ и внутренне опредѣляющихъ традицій не существуетъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что если хотятъ путемъ «единой» школы достигнуть соціальнаго мира и терпимости, поселить любовь, взаимно-равноправную помощь между различными слоями общества и государства, то такія надежды являются только обольщеніемъ ума и не оправдываются практикой жизни. Значитъ, и реформу народнаго образованія нужно искать не въ «единствѣ» школы, а въ чемъ-то другомъ.

III.

Можетъ ли быть «единая» школа дѣйствительнымъ выраженіемъ высшей соціальной правды.

Многія лица, мечтающія о единствѣ школы, выдвигаютъ въ пользу ея одинъ важный пунктъ: она, говорятъ они, въ состояніи удовлетворить требованіямъ высшей соціальной справедливости. Всѣ люди, какъ люди, одинаковы по своей природѣ, всѣ они также равны, какъ граждане, предъ закономъ. Отсюда, школа должна быть одинаково доступной для всѣхъ.

Въ благѣ образованія должны всѣ участвовать и, при томъ, въ одинаковой мѣрѣ. Самая основа всякаго образованія разрушается въ корнѣ, если участіе въ немъ широкихъ слоевъ общества ограничивается и стѣсняется. Образованіе есть цѣнный даръ, который долженъ вручаться каждому человѣку для того, чтобы онъ пользовался имъ для всеобщаго блага. Государство и общество нуждается въ томъ, чтобы талантливые и способные люди изъ всѣхъ сословій достигали высшихъ степеней образованія и могли занимать руководящее положеніе и значеніе въ жизни общества и механизмѣ государственнаго управленія. Для государства является прямымъ и невознаградимымъ ущербомъ, если таланты и призванія, существующіе въ низшихъ и среднихъ слояхъ народа, будутъ теряться безслѣдно и не будутъ использованы для прогресса въ дѣлѣ религіозномъ, научномъ и общественномъ.

Нужно замѣтить, что здѣсь мы касаемся чрезвычайно запутаннаго и при томъ до болѣзненности чувствительнаго мѣста современной жизни.

Съ перваго взгляда кажется, что «единство» школы, какъ нельзя лучше, можетъ послужить удовлетворенію соціальной правды въ этомъ дѣлѣ. Единая школа, въ которой будутъ пріобрѣтать одинаковую сумму знаній люди всѣхъ сословій и состояній, предоставитъ всему юному поколѣнію народа одинаковую легкость поступать въ среднія школы и затѣмъ въ высшія школы.

Но здѣсь сразу чувствуется, что вопросъ соціальной справедливости въ сферѣ образованія не совпадаетъ съ вопросомъ о единствѣ школы, въ смыслѣ согласованности всѣхъ ея степеней. Здѣсь происходитъ нѣкоторая перестановка вопроса объ «единствѣ» школы. Низшіе классы населенія не посылаютъ дѣтей, напр., въ среднюю школу не потому, что она въ настоящее время не согласована съ низшей школой, а совершенно по другимъ причинамъ, и главнымъ образомъ по бѣдности: они не могутъ платить за обученіе, не могутъ тратиться на учебныя принадлежности, наконецъ не могутъ содержать дѣтей на свой счетъ во время обученія и иногда не могутъ сами содержаться безъ помощи своихъ дѣтей. Такимъ образомъ, весь вопросъ сводится къ проблемѣ бѣдности, къ проблемѣ неравенства людей въ имущественномъ отношеніи.

Въ сферѣ школьнаго дѣла неравенство людей ощущается съ особенной тяжестью и горечью. И высшіе и низшіе слои населенія одинаково платятъ налоги, которые въ извѣстной

части идутъ и на образовательныя учрежденія. Но пользуются этими учрежденіями только состоятельные въ имущественномъ отношеніи классы, хотя и не всецѣло, однако преимущественно. Отчего это происходитъ? Оттого, что богатые могутъ еще приплачивать къ государственнымъ расходамъ изъ своихъ личныхъ средствъ за право обученія, за учебныя пособія, за содержаніе своихъ дѣтей и т. д. Весь вопросъ теперь сводится къ тому, можетъ ли государство сдѣлать такъ, чтобы школой пользовались всѣ въ одинаковой мѣрѣ и полнотѣ, т. е. можетъ ли оно достигнуть того, чтобы люди всѣхъ состояній фактически посылали дѣтей своихъ въ «единую» школу. Для этого государству, какъ мы сказали, нужно слѣдующее: завести безплатное обученіе на всѣхъ ступеняхъ школы, выдавать безплатно всѣ пособія и принадлежности, содержать на казенный счетъ дѣтей бѣдныхъ родителей и, пожалуй, еще поддержать имущественно самихъ родителей, если они не могутъ прожить безъ поддержки трудомъ своихъ дѣтей. Собственно, этого и хочетъ соціалъ-демократическая партія, требуя обязательнаго и безплатнаго обученія до 16 лѣтъ [1] и смягчая эти требованія только тѣмъ, что на казенный счетъ въ среднихъ и высшихъ школахъ должны учиться только способныя и талантливыя дѣти, а не всѣ дѣти неимущихъ классовъ.[2]

Если таковъ смыслъ требованія, то возможно ли требовать такую «единую» школу отъ государства? Конечно, нѣтъ. Современное государство не принимаетъ и не можетъ принять на себя задачу принудительно уравнивать всѣхъ, силой сглаживать тѣ неравенства, которыя вырабатываются самою жизнью общества, т. е. столкновеніемъ произвола всѣхъ составляющихъ его отдѣльныхъ личностей.

Современное государство относится ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ одинаково, именно такъ, какъ того требуетъ юридическое право, правовыя нормы. Оно предоставляетъ всѣмъ людямъ безъ различія право поступленія во всѣ учебныя заведенія. И мы, дѣйствительно, видимъ, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи учатся дѣти не только богатыхъ, но и совершенно неимущихъ классовъ. Такіе бѣдные студенты содержатся или на стипендіи или пользуются поддержкой частныхъ лицъ или, наконецъ, сами пропитываютъ себя личнымъ трудомъ. Такимъ же образомъ поступаетъ государство

---

[1] Программа русской соціалъ-демократической партіи.
[2] Эрфурт. программа.

и по отношенію ко всѣмъ другимъ своимъ учрежденіямъ; оно предоставляетъ ихъ для пользованія всѣмъ гражданамъ на одинаковыхъ условіяхъ. Возьмемъ, напр., судебныя учрежденія: ими пользуются всѣ; судъ судитъ всѣхъ—бѣднаго и богатаго, знатнаго и незнатнаго съ одинаковой справедливостью и безпристрастіемъ. Однако, мы знаемъ, что человѣкъ богатый и образованный можетъ воспользоваться судебными учрежденіями иначе и гораздо больше и лучше, чѣмъ человѣкъ бѣдный и невѣжественный. Государство всѣмъ предоставляетъ заниматься торговлей, но съ успѣхомъ торговать можетъ только тотъ, у кого есть деньги. Государство на равныхъ условіяхъ предоставляетъ въ пользованіе гражданъ почтовыя учрежденія, желѣзныя дороги, банки, но люди состоятельные пользуются ими иначе и лучше, чѣмъ бѣдные. Если послѣдователи «единой» школы требуютъ, чтобы всѣ бѣдные люди получили возможность средствами государства фактически посылать дѣтей своихъ въ среднія и высшія школы, то здѣсь дѣло идетъ вовсе не о юридической справедливости и правѣ. Они просто указываютъ на коренной переворотъ всѣхъ государственныхъ учрежденій въ смыслѣ соціализма, т. е. требуютъ того, что фактически невыполнимо при настоящихъ условіяхъ и что выходитъ изъ рамокъ реально-политической программы. Со стороны соц.-демократической партіи это понятно; но нельзя понять, какъ то же самое требованіе выставляютъ партіи «умѣренныя», которыя стремятся стоять на почвѣ трезвой дѣйствительности и не хотятъ обольщать себя и другихъ постройкой фантастическихъ воздушныхъ замковъ.

Мы, конечно, не имѣемъ здѣсь возможности выяснить, къ чему могутъ привести подобные соціалъ-демократическіе шаблоны въ области педагогіи. Однако сдѣлаемъ нѣсколько намековъ на то, что можно ожидать, если бы соціалъ-демократическое требованіе осуществилось,—иначе говоря, что было бы тогда, когда случилось бы то, чего никогда не было и, вѣроятно, никогда не будетъ. Возьмемъ болѣе простой примѣръ, напр., театры. Извѣстно, что Императорскіе театры являются государственными учрежденіями, т. е. содержатся на народныя деньги. Многіе считаютъ это учрежденіе въ высокой степени благодѣтельнымъ, облагораживающимъ, просвѣтительнымъ; театръ—это своего рода «высшая школа». Государство предоставляетъ право каждому человѣку пользоваться театромъ; но извѣстно, что въ театръ ходятъ только тѣ, кто можетъ купить билетъ; поэтому въ театрахъ обыкновенно со-

бирается такъ называемая интеллигентная, т. е. нарядная и богатая публика. Но, положимъ, въ одно прекрасное время государство послушалось соціалъ-демократовъ и объявило, что театры дѣлаются общимъ достояніемъ безъ всякой платы, даромъ. Что бы тогда произошло? Первымъ дѣломъ, въ театры повалилъ бы простой народъ; и такъ какъ желающихъ было бы во много разъ больше, чѣмъ могутъ вмѣстить театры, то пришлось бы установить какой-нибудь порядокъ. Положимъ, установили бы самый безобидный порядокъ: пусть всѣ билеты разыгрываются, какъ въ лотерею: кому что достанется. Но прежде всего здѣсь нужно ждать злоупотребленій: несомнѣнно появятся люди, которыя будутъ продавать свои билеты, явятся и маклаки, которые будутъ перекупать у другихъ и продавать ихъ по болѣе высокой цѣнѣ; а можетъ быть богатые люди будутъ нанимать другихъ, чтобы они получали и доставляли имъ билеты. Но, положимъ, будетъ заведена такая ловкая полиція или такая ловкая система надзора, что злоупотребленія эти будутъ невозможны; допустимъ даже, что сами люди переродятся въ новое поколѣніе, проникнутся нравственными требованіями и не станутъ злоупотреблять государственными учрежденіями. Но и тогда неравенство должно появиться снова. Вѣдь заставить сидѣть модную барыню рядомъ съ простымъ мужикомъ никакъ невозможно; богатые люди опять выдѣлятся; появятся частные театры, куда богатая публика будетъ ходить за деньги. Такимъ образомъ, желаннаго объединенія всѣхъ слоевъ общества не получится. Но это обстоятельство не можетъ смутить соц.-демократовъ. «Пусть не получится,—скажутъ они,—хорошо то, что мы отвоевали театры и предоставили ихъ въ общее пользованіе народу». Но на самомъ дѣлѣ театръ будетъ предоставленъ не народу, а только тому рабочему люду, который живетъ въ городахъ, и изъ этой массы преимущественно той городской черни, которая еще въ Римѣ кричала: panem et circenses (хлѣба и зрѣлищъ)! Но какъ устроить такіе театры среди крестьянъ, живущихъ въ деревняхъ и поселкахъ, иногда удаленныхъ и разобщенныхъ естественными препятствіями другъ отъ друга? Если бы даже государству посредствомъ громадныхъ затратъ удалось завести такіе театры среди сельскаго населенія, то возникла бы еще большая трудность: крестьяне не пошли бы въ нихъ. Извѣстно, что современное театральное искусство не нравится массѣ простого народа; изъ этой массы оно «можетъ нравиться,—говоритъ Л. Толстой,—набравшимся господскаго духа, но не пресыщен-

нымъ господскими удовольствіями, развращеннымъ мастеровымъ, желающимъ засвидѣтельствовать свою цивилизацію, да молодымъ лакеямъ».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что пользованіе театрами по соціалистическому шаблону не дало бы никакого толку. Оно не дало бы толку потому, что оно не возможно; оно требуетъ такихъ неисполнимыхъ условій: 1) всѣ люди должны превратиться въ нравственныя существа, которыя не стали бы злоупотреблять общественными учрежденіями, 2) должны быть уничтожены деньги, посредствомъ которыхъ можно купить удовольствія, 3) даже самое современное искусство должно быть внутренно реформировано, такъ чтобы оно удовлетворяло вѣчнымъ запросамъ человѣческой души и, отсюда, было бы понятно и увлекательно для всѣхъ лицъ и простыхъ и образованныхъ.

Въ сущности столь же утопичны и требованія «единой» школы, особенно въ соц.-демократической формѣ: принудительное образованіе до 16 лѣтъ, безплатное обученіе и даровое содержаніе въ среднихъ и высшихъ школахъ. Здѣсь есть только одинъ пунктъ, который нельзя упускать изъ вниманія партіямъ, стоящимъ на почвѣ реальной политики. Именно, необходимо предоставить даровитымъ дѣтямъ изъ низшихъ сословій возможность достигать образованія и руководящаго значенія въ обществѣ. Чтобы былъ постоянный и обильный приливъ новыхъ талантовъ изъ всѣхъ слоевъ общества къ наукѣ, искусствамъ и государственному дѣлу,—это чрезвычайно важно для государства и общества. Значитъ, это требованіе всеобщее, касающееся жизненнаго интереса всѣхъ сословій. Это не есть требованіе одного пролетаріатскаго класса, не есть требованіе соціалъ-демократическое. Если соціалъ-демократы его усвоили, то они только примазались къ чуждому для нихъ принципу, изъ-за партійной тактики. Однако, это требованіе можетъ быть осуществлено и безъ «единства» школы; для этого осуществленія вовсе не надо «единой» школы, какъ внѣшней организаціи, способной, по мысли ея сторонниковъ, всѣхъ и вся уравнять.

IV.

Какъ смотрѣть на «единую» школу съ точки зрѣнія воспитанія и обученія.

Мы видѣли, что при вопросѣ объ организаціи школьно-народнаго образованія соціальная точка зрѣнія должна быть отвергнута: школа не должна быть средствомъ для посторонней и внѣшней для школы цѣли—уравнять всѣхъ и каждаго въ соціальномъ смыслѣ. Мы видѣли, что такая цѣль—установить равенство между людьми, уничтожить всѣ имущественныя, сословныя и т. п. различія между ними—не только посторонняя по существу школѣ, но она совершенно и не выполнима путемъ школы; для этого должны быть и существуютъ другія средства и пріемы, а отнюдь не школа.

На чемъ же должна основываться организація школы? Гдѣ тѣ принципы, которые окончательно рѣшаютъ вопросъ, каково должно быть устройство школы; вѣдь только эти принципы и могутъ выяснить спорный вопросъ о единствѣ школы. Несомнѣнно, этихъ принциповъ мы должны искать въ педагогіи. Только воспитательно-образовательная точка зрѣнія можетъ имѣть рѣшающее значеніе и въ вопросахъ «единой» школы. Педагогія имѣетъ такую почтенную давность, столько лѣтъ и такъ самоотверженно служитъ человѣчеству, что ея голосъ, несомнѣнно, долженъ быть выслушанъ. Въ педагогикѣ, какъ наукѣ и какъ живомъ общественномъ дѣлѣ существуютъ свои законы; преступленіе противъ нихъ неизбѣжно и естественно сопровождается тяжкими послѣдствіями для жизни общества.

«Единая» школа на первый планъ выдвигаетъ положеніе: «всѣ люди съ рожденія своего пріобрѣтаютъ равныя права на полнѣйшее и одинаковое развитіе своихъ способностей». Эту истину признаетъ всецѣло и педагогика. Но она не хочетъ, чтобы это безспорное положеніе опутывалось обманомъ, ложью, фальшивыми фантазіями и соціалистическими бреднями. Итакъ, что значитъ эта истина для здравой педагогіи? Она значитъ слѣдующее: «для всего народа и всей страны первѣйшею необходимостью является то, чтобы всѣ дѣти были воспитаны для своего призванія, для того, чтобы быть дѣятельными членами общества». Это безспорное положеніе здравой педагогіи соціалистическіе фантазёры «единой» школы подмѣняютъ другимъ: «Школа должна подготовить дѣтей къ соціали-

стическому строю общества»; такимъ образомъ они требуютъ того, чтобы школа приготовляла дѣтей къ жизни въ буквальномъ смыслѣ не существующей, а только мечтательно желаемой и ожидаемой. Это — уже подмѣна, поддѣлка педагогической правды. Эта ложь должна быть всѣмъ ясна: она не должна вводить въ заблужденіе ни родителей, ни общества, ни школьныхъ дѣятелей.

Мы «учимся не для школы, а для жизни»—вотъ основное положеніе педагогики, которое, кажется, еще никѣмъ не было оспариваемо. Это значитъ, что школа должна научить жить, т. е. должна научить приспособляться къ данной окружающей дѣйствительности, пользоваться ея условіями для осуществленія основного смысла жизни. Отсюда школа не должна отрывать человѣка отъ его родной природы и семьи. Окружающая природа и,—родная семья должны быть основнымъ, исходнымъ пунктомъ для всякаго образованія; внѣ этихъ условій, школьное образованіе лишается своей почвы и становится безплоднымъ,—подобно тому какъ всякое растеніе, перенесенное въ чуждыя ему условія произрастанія, никогда не сохраняетъ свой нормальный ростъ и развитіе. Этотъ основной законъ мы можемъ подмѣтить не только на педагогическомъ дѣлѣ, но и во всякой иной сферѣ человѣческой жизни. Такъ, врачъ лечитъ человѣка, но лечитъ только для того, чтобы онъ могъ жить сообразно съ природой. Врачъ видитъ безплодность и пустоту всякаго леченія, если окружающія природныя условія жизни паціента не находятся въ соотвѣтствіи съ леченіемъ; тщетно напр., спасать человѣка отъ остраго малокровія лекарствами, когда въ его домашней обстановкѣ нѣтъ надлежащаго воздуха, нѣтъ необходимаго питанія, нѣтъ отдыха.

Теперь для насъ еще болѣе проясняется тотъ глухой закоулокъ, въ которомъ начинаютъ блуждать соціалисты «единой» школы. Они имѣютъ въ виду не наличныя условія семьи и общества, а только воображаемую въ будущемъ жизнь соціалистическаго общества. И этотъ призракъ, этотъ абстрактъ становится имъ поперекъ дороги, онъ парализуетъ всѣ ихъ благія педагогическія реформы. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ въ воображаемомъ ими государствѣ должна быть *всѣмъ* предоставлена *одинаковая* способность къ жизни и дѣятельности, то всѣ ихъ усилія сводятся къ такой задачѣ: найти такую программу обученія, которая приготовляла бы ко всякому роду жизни и дѣятельности. Но, вѣдь, ясно, что подобная задача вообще ирраціональна, нерѣшима по своей внутренней нелѣ-

пости. Представимъ небывалый случай: пусть какой-нибудь чудакъ кончитъ всѣ факультеты, т. е. получитъ въ буквальномъ смыслѣ универсальное образованіе. Будетъ ли онъ подготовленъ ко всему. Допустимъ, будетъ. Но будетъ ли для него полезна подобная подготовка ко всему? Вѣдь, готовый ко всему, онъ все-таки долженъ будетъ выбрать что-нибудь *одно*: онъ будетъ или филологомъ, или врачемъ, или юристомъ и т. д. Если же такъ, то можно ли признать цѣлесообразной его универсальную подготовку, въ состояніи ли такая подготовка ко всему создать живой интересъ къ какой-либо отдѣльной отрасли человѣческой дѣятельности? И не будетъ ли такой человѣкъ сожалѣть о томъ, почему его сразу не воспитывали и не пріучали къ тому дѣлу, какимъ ему пришлось заниматься въ жизни!

Особенно важно отмѣтить то, что «единая» школа, въ смыслѣ одинаковости курса обученія для всѣхъ, нарушила бы основныя условія здравой педагогіи. Во-первыхъ, такая школа необходимо должна выдти изъ союза и изъ-подъ контроля современной семьи: во-вторыхъ, она будетъ безучастной по отношенію къ мѣстнымъ условіямъ природы и, слѣд., промышленности. Семья, какъ извѣстно, вовсе не желаетъ того, чтобы дѣти готовились ко *всему*, она стремится къ извѣстнаго рода опредѣленности и спеціализаціи. Земледѣлецъ хочетъ видѣть въ своихъ дѣтяхъ будущихъ земледѣльцевъ и въ этомъ смыслѣ желалъ бы ихъ образовывать, купецъ—тоже; ремесленникъ хочетъ осмыслить технику своего ремесла и въ дѣтяхъ своихъ видѣть умѣлыхъ продолжателей и развивателей своего дѣла. Понятно также, что единая школа, приготовляя всѣхъ одинаково къ всякому образу жизни, и ни къ одному опредѣленному въ частности,—тѣмъ самымъ будетъ удаляться отъ условій мѣстной природы. Условія природы данной мѣстности всегда повелительно выдвигаютъ спеціальныя задачи и стороны въ школьномъ дѣлѣ. Возьмемъ, напр., какую-нибудь область, гдѣ по самому ея географическому положенію почти всѣ жители заняты рыболовствомъ или мореходствомъ. Неудивительно, что и къ школьному образованію здѣсь предъявляются настоятельныя требованія, чтобы оно со своей стороны поддерживало, выясняло и развивало всѣ тѣ знанія и умѣнья, на которыхъ основывается благосостояніе данной мѣстности.

Если единая школа не можетъ быть въ союзѣ съ семьей и окружающими мѣстными условіями природы, то какимъ

образомъ поборники ея проведутъ ея программу въ жизнь, осуществятъ ее на практикѣ? Для этого остается только одинъ путь: плести еще дальше ту сѣть лжи, первый узелъ которой былъ завязанъ соціалистическимъ требованіемъ общаго одинаковаго курса для всѣхъ гражданъ. Въ эту ложь можно уловить отца, возбудивъ въ немъ честолюбіе, чтобы онъ захотѣлъ соціальнаго возвышенія своимъ дѣтямъ: будетъ тебѣ быть купцомъ, сдѣлай сына «благороднымъ» (т. е. земскимъ начальникомъ, а то воинскимъ начальникомъ, а то исправникомъ и т. д.). Еще легче въ ту же ложь вовлечь сына: всегда можно создать такой типъ умственнаго развитія, при которомъ не будетъ никакого стремленія къ опредѣленной профессіи. Тогда научныя истины являются только какъ-бы игрой ума, они удовлетворяютъ отвлеченному любопытству, создаютъ призракъ умственной работы, но не возбуждаютъ здороваго аппетита къ практической дѣятельности; вопросы создаются и умножаются искусственно, теорія и практика расходятся все дальше и дальше другъ отъ друга. Наконецъ, къ этому присоединяется еще третья ложь. Нужно создать особый родъ учителей, которые не имѣютъ никакой живой связи со школой и съ тѣмъ краемъ, который она обслуживаетъ. Такіе учителя воспитываются въ особыхъ заведеніяхъ, разсылаются какъ чиновники по школамъ; не имѣя любви къ школѣ, внутренняго призванія къ учительству, они, подобно людямъ безъ роду, безъ племени, становятся очень способными оторвать школьное дѣло отъ требованій семьи и окружающей живой дѣйствительности и еще больше оболживить его.

Если педагогика говоритъ, что школа должна подготовить человѣка къ жизни, сдѣлавъ его дѣятельнымъ членомъ общественнаго союза, то она, несомнѣнно, имѣетъ при этомъ въ виду интересъ семьи. Семья есть первая единица общественнаго союза, первый зародышъ общественныхъ отношеній,—та основа, безъ которой не можетъ быть построено ни общество, ни государство. Первыя и основныя побужденія къ культурѣ, къ образованію, къ школѣ должны исходить изъ семьи. Горе той школѣ, которая не выросла изъ среды семьи, не удовлетворяетъ требованіямъ семьи, а навязана ей извнѣ, какъ чужая и несродная ей по духу. Настройте школъ—дворцовъ, введите самые усовершенствованные методы обученія, преподавайте самое послѣднее слово науки, но если семья, населеніе не оцѣнитъ вашу школу, не увидитъ своимъ внутреннимъ взоромъ въ ней высшее благо, то ваше дѣло по-

гибло: школа останется пустой, и напрасны будутъ всѣ ваши труды и затраты. Такимъ образомъ, основнымъ факторомъ для прогресса и успѣха школьнаго образованія, особенно народно-школьнаго является нѣчто иное, какъ внутренняя и сознательная оцѣнка образованія, какъ блага, или чувство такой цѣнности. Но кто тотъ субъектъ, который будетъ судить и оцѣнивать образованіе съ точки зрѣнія высшаго блага? Этимъ сознательнымъ существомъ, этимъ нелицепріятнымъ судьей является семья, т. е. отецъ и мать и другіе домочадцы, которые не могутъ пожелать зла своимъ дѣтямъ и, отсюда, руководятся при образованіи дѣтей только своимъ внутреннимъ сужденіемъ по отношенію къ предлагаемымъ благамъ образованія. Изъ этого закона нѣтъ исключеній, или, лучше сказать, самыя исключенія подтверждаютъ общее правило. Такъ, во всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ учится много лицъ вовсе не богатыхъ родителей, а людей очень малаго матеріальнаго достатка, иногда же совсѣмъ неимущихъ. Мы говоримъ о тѣхъ «кухаркиныхъ» сыновьяхъ, т. е. сыновьяхъ не только кухарки, а и швейцара, лакея, лавочника, полицейскаго, мелкаго чиновника и писца, которые учатся въ университетахъ и др. высшихъ школахъ, учатся, какъ говорится, на «мѣдные гроши», т. е. поддерживаются или самоотверженнымъ трудомъ своихъ родителей или своимъ личнымъ трудомъ. Эти лица уже совершили «выходъ изъ своей среды» и настолько радикально, что никогда больше въ нее не возвратятся. По отношенію къ такимъ лицамъ крайне важенъ былъ бы опросъ (анкета) касательно того, какимъ образомъ и гдѣ зародилось ихъ первое побужденіе къ образованію, какъ оно окончательно въ нихъ закрѣпилось и опредѣлило всю дальнѣйшую ихъ жизнь. Въ частныхъ случаяхъ мы этотъ опросъ дѣлали; и по нашему мнѣнію, онъ можетъ только подтвердить общее положеніе, что основнымъ двигателемъ ко всякой школѣ, ко всякому образованію является семья, т. е. упрочившееся въ данной семьѣ высшее с о з н а н і е и стремленіе къ образованію, какъ къ жизненному благу. Само собою понятно, что простой человѣкъ, поддерживающій своимъ кровнымъ трудомъ сына или дочь въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи, имѣетъ с в о й в з г л я д ъ, с в о ю о ц ѣ н к у образованія; пусть въ основѣ этого взгляда будетъ лежать желаніе внѣшнихъ преимуществъ, даваемыхъ образованіемъ, того «вѣрнаго куска хлѣба», къ которому всегда стремится человѣкъ; но, тѣмъ не менѣе, и въ этомъ взглядѣ мы должны признать ту оцѣнку школьнаго

образованія, которая охватываетъ всего человѣка, влечетъ его съ непреодолимой силой и побуждаетъ на подвигъ самоотверженія. Но если такъ серьезно отецъ относится къ школьному образованію, принимая на себя столько трудовъ, принося столько жертвъ этому дѣлу, то и дитя, видя все это, проникается тою же цѣлію, начинаетъ видѣть въ школьной работѣ свое жизненное дѣло, хотя на первыхъ порахъ, конечно, не въ состояніи понять идейнаго смысла школьной науки. Вообще, опросъ показываетъ, что человѣкъ изъ народа, получившій высшее образованіе, всегда укажетъ, порoясь въ своихъ воспоминаніяхъ, то побужденіе къ нему, которое онъ вынесъ еще въ молодыхъ годахъ изъ нѣдръ своей семьи. Онъ вспомнитъ или о своей матери, которая жаждала того, чтобы ея сынъ занялъ какое-нибудь хорошее, съ ея точки зрѣнія, положеніе въ обществѣ: »я была бы счастлива, если бы ты былъ такимъ-то»..., или вспомнитъ объ отцѣ, который былъ глубоко неудовлетворенъ своимъ положеніемъ и, во что бы то ни стало, хотѣлъ, какъ говорятъ, «пустить своихъ сыновей по другой дорогѣ». Замѣчательно, что иногда нужно только вліяніе одного какого-либо члена семьи, близкаго и горячо любимаго, чтобы заронить въ ребенкѣ жажду образованія и новой жизни,— не смотря даже на противодѣйствіе другихъ членовъ семьи. Такъ, одно изъ лицъ, подвергавшихся нашему опросу, разсказывало, что на него въ юности очень вліяло разногласіе мнѣній, по вопросу о необходимости образованія, его родныхъ отца и матери. Мать мечтала видѣть въ сынѣ образованнаго человѣка и всѣми силами стремилась къ этому, отецъ же, напротивъ, смѣялся надъ такими вещами и грубо (какъ казалось мальчику) твердилъ: «на что намъ слава и чины, была-бъ краюха хлѣба, да кусочекъ ветчины». Вліяніе любящей матери оказалось сильнѣе. Сынъ сталъ продолжать свое образованіе, даже вопреки волѣ и желаніямъ отца.

Конечно, вопросъ о «единой» и «всеобщей» школѣ есть вопросъ трудный. Соціалисты разныхъ толковъ пользуются имъ, выставляя такую школу какъ идеалъ, связывая съ нимъ идеальную перестройку общественныхъ отношеній съ разрушеніемъ тѣхъ основъ, на которыхъ доселѣ зиждется современное общество. Но, связывая вопросъ педагогическій съ такимъ посторонним соціальнымъ вопросомъ, они не могутъ распутать вопроса о школѣ, а еще болѣе его запутываютъ. Повидимому, камнемъ преткновенія служитъ здѣсь то, что сторонники «единой» школы смѣшиваютъ школу «народную» и школу

«ученую». По ихъ мнѣнію, такого различія даже и не должно быть; развѣ народная школа не есть въ то же время и ученая,—говорятъ они: нелѣпо въ интеллигентной школѣ преподавать науку, а въ народной школѣ что-то совсѣмъ иное. Въ такихъ ходячихъ жалобахъ уже и заключается начало вышеуказаннаго недоразумѣнія. Разъ-на-всегда нужно установить, что народная и ученая школа совершенно не совпадаютъ другъ съ другомъ и даже не могутъ совпасть и отожествиться. Что такое ученая школа? Ученыя школы—это технологическіе и горные институты, филологическіе, юридическіе, медицинскіе факультеты; военныя, духовныя академіи, академіи художествъ, агрономическія академіи, педагогическіе институты или академіи. Въ этихъ школахъ двигается впередъ наука, т. е. открываются новые факты, новые законы, создаются научныя системы и теоріи на основаніи послѣднихъ добытыхъ научныхъ данныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ школахъ подготовляются спеціалисты, т. е. высшіе руководители въ той или другой области человѣческой дѣятельности. Народная школа, конечно, не можетъ имѣть въ виду подобныя цѣли. Правда, въ настоящее время много говорятъ о «народныхъ университетахъ», о распространеніи университетскаго образованія въ народѣ (University Extension); и нѣкоторые изъ заграничныхъ университетовъ стали даже во главѣ этого движенія. Но какъ бы ни была высока эта цѣль сама по себѣ и какъ бы ни возвышала она престижъ университетовъ, все же, нельзя забывать, что это—цѣль второстепенная для науки, что съ наукой въ собственномъ смыслѣ она имѣетъ мало-чего общаго. Никто иной, какъ знаменитый проф. Оскаръ Гертвигъ [1] счелъ долгомъ нарочито указать, что толпу, собирающуюся на публичныя лекціи, нельзя смѣшивать со студентами, и что университеты, представляя всѣ свои средства для подобнаго распространенія знаній въ народѣ, не могутъ забывать своей главной цѣли—подготовленія спеціалистовъ.

Такъ какъ въ жизни не могутъ быть всѣ и каждый изъ народа спеціалистомъ-руководителемъ, а масса народа является руководимой, идетъ на работу черную, низшую, то народная школа должна имѣть совершенно другія цѣли, чѣмъ школа ученая. Народная школа имѣетъ цѣлію практически подготовить человѣка къ жизни. Она, напр., не даетъ ученикамъ юридическихъ наукъ, и изъ нихъ беретъ только то, что не-

[1] «Потребность въ образ[illegible]ніи и удовлетвореніе ея нѣмецкими университетами», перев. въ «Вѣстникѣ Воспитанія», января, 1907 года.

обходимо для человѣка въ жизни, чтобы быть хорошимъ гражданиномъ, пользоваться правовыми нормами, законами и судебными установленіями въ соотвѣтствующихъ случаяхъ жизни. Изъ медицинскаго факультета она беретъ только гигіену, въ видѣ ученія о нормальныхъ условіяхъ для здоровья организма и окружающей среды, и т. д.

Если народная школа должна практически подготовить къ жизни, то это значитъ, что она въ своемъ устройствѣ должна въ высокой степени зависѣть отъ конкретныхъ условій окружающей мѣстности и народной жизни. Она должна имѣть въ виду положеніе родителей и семьи, промыслы и ремесла края и его природу. Если, напр., въ данной мѣстности господствуетъ кожевенный промыселъ, то этимъ самымъ учитель уже обязывается въ своей рѣчи о химическихъ явленіяхъ непремѣнно сказать о природѣ дубильныхъ веществъ и о процессѣ дубленія. Подобно этому, было бы непростительной ошибкой въ мѣстностяхъ, подверженныхъ болотной лихорадкѣ, не разсмотрѣть на урокахъ гигіены причины этой болѣзни. Такимъ образомъ, школа должна осмыслить для дѣтей окружающія условія, господствующіе промыслы и технику ремеслъ; ученики должны научиться тому, чему имъ придется доучиваться въ жизни. Только при такихъ условіяхъ школа будетъ не навязана народу, а близка ему, мила родителямъ, которые по собственному почину будутъ слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ ея дѣтьми. Нужно замѣтить, что самое идеальное знаніе, даже послѣднее слово науки, если оно не осмыслено *дѣломъ* жизни, является лишнимъ балластомъ; оно подобно бываетъ опавшему листу, который безжизненно только шуршитъ подъ ногами. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи русская школа, особенно высшая, стоитъ на едва ли правильномъ пути. Отъ лицъ, которыя глубоко знали школу и условія русской дѣйствительности, это обстоятельство не было скрыто. «Въ жизни мнѣ пришлось,— говорилъ Д. И. Менделѣевъ,—многое узнать лично на мѣстѣ и увидѣть тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ надлежащему широкому развитію русской промышленности. Общій выводъ въ этомъ отношеніи мой тотъ, что наша образованность не въ ту сторону направлена, въ которую ей должно направляться, и что направленная, начиная съ высшихъ учебныхъ заведеній, въ правильную сторону, она можетъ быстро повернуть все дѣло къ коренному улучшенію». «Наши высшія учебныя заведенія подготовляютъ такихъ практическихъ дѣятелей, особенно нужныхъ въ настоящее время, которые зачастую не

любятъ своего дѣла, плохо понимаютъ русскія мѣстныя потребности и не умѣютъ хоть ихъ изучить сколько-нибудь самостоятельно и разумно къ нимъ приноровляться». [1]

Итакъ, главная цѣль народной школы — подготовка къ практической жизни. И нужно сказать, что эта цѣль для народной школы останется навсегда цѣлію. Вѣдь, какъ бы ни рисовали соціалисты отдаленное будущее, въ немъ все же будетъ рабочій классъ народа. Для благополучія всего общества важно, чтобы и низшія работающія массы народа состояли изъ людей счастливыхъ и довольныхъ, сильныхъ душой и доступныхъ высшимъ духовнымъ интересамъ. Вовсе было бы не соціально, не либерально и не народолюбиво строить такую для народа школу, которая каждаго человѣка, чуть возвышающагося изъ средняго уровня, съ великою легкостью уводила бы изъ трудящейся среды на путь высшихъ призваній жизни: законодателя, ученаго, врача, педагога и т. д. Это поведетъ только къ умноженію числа неудачниковъ,—лицъ не приспособившихся къ современной цивилизаціи, которыхъ и теперь такъ много. Непризнанные поэты, непонятые таланты, адвокаты безъ практики, писатели, которыхъ не читаютъ, профессора для пустыхъ аудиторій, чиновники, пренебрегаемые начальствомъ за непригодность,—все это лишніе, недовольные люди; они не приспособились къ современному обществу и поэтому ненавидятъ это общество и его строй. Къ счастію, въ настоящее время даже сами соціалисты признаютъ ненормальность такого направленія народной школы. Такъ, больной иногда путемъ собственнаго мучительнаго опыта прекрасно анализируетъ свою болѣзнь. Вотъ, что говоритъ Эмиль Глэ въ журналѣ Humanité, — центральномъ органѣ всѣхъ соціалистическихъ партій во Франціи: «Въ одинъ и тотъ же день почти въ одинъ и тотъ же часъ, во всѣхъ школахъ Франціи, обучаютъ однимъ и тѣмъ же вещамъ, требуютъ одного и того же распредѣленія времени и учебнаго матеріала. Подъ предлогомъ національнаго единства угощаютъ одною и тою же пищей земледѣльцевъ и моряковъ, деревенскихъ жителей и горожанъ. Это, конечно, глубокое зло, на которое необходимо обратить вниманіе общественныхъ силъ; конечно, первоначальная школа должна преимущественно способствовать въ общихъ чертахъ формаціи человѣка будущаго, но этимъ ея роль не должна ограничиваться». [2]

---

[1] *Къ познанію Россіи.* Стр. 60 и 53.
[2] *L'Humanité*, 1906. Статья «Кризисъ начальной школы».

Такимъ образомъ, требованіе «единой» и одинаковой для всѣхъ школы рушится, съ педагогической точки зрѣнія, прежде всего потому, что школа должна быть приноровлена къ мѣстнымъ потребностямъ; и чѣмъ это приспособленіе будетъ больше, тѣмъ ближе школа будетъ къ народу и тѣмъ больше она поднимаетъ культуру данной мѣстности, такъ какъ поведетъ къ разработкѣ тѣхъ матеріальныхъ богатствъ, которыя можетъ выставить окружающая природа. Приспособленіе школы къ окружающей средѣ—это безспорно одно изъ основныхъ положеній здраваго педагогическаго смысла. Наилучшее себѣ выраженіе этотъ принципъ нашелъ въ школьной системѣ англійскаго народа. Поучительно присмотрѣться въ этомъ отношеніи къ англійской школѣ. Приспособленіе къ средѣ (The adaptation to environment) издавна служитъ отличительной особенностью англійской школы. Очень хорошо эта характерная черта англійской школы выяснена въ замѣчательной книгѣ Пэйна (Payne). Авторъ ея задался цѣлію изучить, особымъ статистическимъ и аналитическимъ методомъ, курсъ обученія въ народныхъ школахъ Соедин. Штатовъ, Англіи, Германіи и Франціи; онъ даетъ сравнительное изслѣдованіе этихъ школъ.[1] Объ англійской школѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что для изученія ея ему разными лицами было прислано до 78 программъ отъ разныхъ школъ. «И всѣ эти лица анализировали ту обстановку, изъ которой являлись дѣти въ школу, и старались показать, какое вліяніе оказывала эта обстановка на содержаніе курса школы, на преобладаніе въ немъ того или другого предмета». Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе то, какимъ образомъ достигается подобное приспособленіе школы къ окружающей средѣ.

Извѣстно, что при каждой народной школѣ въ Англіи, будетъ ли она министерской или церковной, существуетъ «совѣтъ завѣдующихъ», особо избираемыхъ отъ мѣстнаго населенія. Школьное обученіе здѣсь обязательно въ періодъ отъ 5-ти до 14 лѣтъ включительно; впрочемъ ученикъ можетъ окончить свое обязательное обученіе и въ 12 лѣтъ, если представитъ свидѣтельство о выдержаніи успѣшно экзамена за весь курсъ начальной школы; или онъ можетъ быть освобожденъ отъ обязательнаго обученія, если представитъ свидѣтельство о томъ, что онъ посѣщалъ школу въ теченіе пяти лѣтъ безъ

---

1) *Public Elementary school Curricula* A Comparative Study of representative cities of the United States, England, Germany and France. By Bruce Ryburn Payne N. I. 1905. Книга предоставляетъ докторскую диссертацію автора, представленную имъ въ Колумбійскій университетъ.

перерыва, при трехъ стахъ пятидесяти учебныхъ дняхъ. Англійское министерство народнаго просвѣщенія (Board of Education) имѣетъ заботу о соблюденіи государственныхъ интересовъ въ школьномъ дѣлѣ. Оно опредѣлило десять основныхъ предметовъ, которые должны быть извѣстнымъ надлежащимъ образомъ изучаемы въ школѣ, и отказываетъ въ денежномъ пособіи тѣмъ школамъ, которыя не удовлетворяютъ этимъ условіямъ. Послѣ ревизіи королевскаго инспектора школа получаетъ 21 шиллингъ за каждаго ученика съ удовлетворительными успѣхами и 22 шиллинга (около 11 р. 50 коп.) за ученика съ успѣхами, весьма удовлетворительными.

Слѣдующая таблица показываетъ тѣ 10 предметовъ, которые должны изучаться въ народной школѣ, и то, насколько равномѣрно они распредѣлены во всѣхъ 23.351 школахъ Англіи.

1. Чтеніе, письмо, ариѳметика	23.351
2. Сочиненія (Composition)	23.347
3. Грамматика	23.307
4. Географія	23.340
5. Исторія	23.231
6. Природовѣдѣніе (Common Things)	23.340
7. Рисованіе	20.177
8. Рукодѣліе	19.369
9. Физическое развитіе (Training)	23.326
10. Пѣніе	23.346

Указанные здѣсь предметы составляютъ обязательный курсъ обученія въ народной школѣ. И поэтому они находятся почти во всѣхъ школахъ. Главнѣйшее значеніе, какъ видимъ изъ таблицы, имѣютъ чтеніе, письмо и ариѳметика; эти «три *р*» [1] по-англійскому выраженію, находятся безусловно въ каждой школѣ; за ними по важности слѣдуютъ: сочиненія (composition) и пѣніе; а далѣе предметы по важности распредѣляются въ такомъ порядкѣ: географія, природовѣдѣніе, физическое развитіе, исторія, грамматика, рисованіе и рукодѣліе. Хотя всѣ указанные предметы являются обязательными, но мы видимъ, что и къ нимъ школа относится свободно; такіе предметы, какъ рисованіе и рукодѣліе, находятся далеко не во всѣхъ школахъ. «Предоставлена возможно большая свобода завѣдующимъ и учителямъ при распредѣленіи и исполненіи курсовъ обученія по каждому предмету», — говорится въ школьной англійской инструкціи (объяснительной запискѣ). «Вовсе не

---

[1] «Three R's», такъ называются эти предметы по тому, что по-англійски въ каждомъ изъ словъ, обозначающихъ чтеніе, письмо, ариѳметику, слышится въ началѣ буква р (r): Reading, Writing, Arithmetic.

требуется, чтобы каждый изъ нихъ непремѣнно изучался въ каждомъ классѣ школы; одинъ и болѣе изъ нихъ даже можетъ быть совершенно опущенъ изъ курса школы, если только министерскимъ инспекторомъ будутъ признаны достаточныя основанія для такой практики».

Кромѣ указанныхъ обязательныхъ предметовъ, въ курсъ англійской школѣ могутъ быть введены еще слѣдующіе предметы (цыфры направо въ этой таблицѣ показываютъ число школъ, въ которыхъ изучается тотъ или другой предметъ).

11. Алгебра	1.383
12. Эвклидъ	198
13. Мѣры (Mensuration)	349
14. Механика	263
15. Наука (элементарная или экспериментальная физика, химія и т. п.)	596
16. Физіологія животныхъ	252
17. Гигіена	51
18. Ботаника или садоводство	157
19. Принципы земледѣлья	59
20. Латинскій языкъ	26
21. Французскій	742
22. Нѣмецкій	15
23. Уэльское нарѣчіе	131
24. Еврейскій	2
25. Бухгалтерія	164
26. Стенографія	538
27. Коммерческіе предметы (корреспонденція)	21
28. Домоводство (Domestic Economy)	974
29. Предметы дѣтскихъ садовъ	15

---

30. Кулинарное ремесло (для дѣвочекъ)	3.810
31. Прачешное дѣло	817
32. Молочное дѣло	1
33. Управленіе домомъ	210
34. Сельское садоводство	481
35. Ручной трудъ	1.907
36. Поварское дѣло (для мальчиковъ въ приморскихъ городахъ)	8

Касательно предметовъ, обозначенныхъ 11—29, англійскій школьный законъ говоритъ, что «одинъ и болѣе изъ этихъ предметовъ можетъ быть введенъ въ курсъ, если особыя обстоятельства, по мнѣнію инспектора, дѣлаютъ это желательнымъ». Предметы, обозначенные по списку цифрами 30—36, имѣютъ, какъ видимъ, совершенно практическое прикладное значеніе: цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы познакомить дѣтей съ тѣмъ дѣломъ, которымъ, быть можетъ, имъ придется заниматься

въ жизни. Изъ таблицы видно, что приблизительно каждая изъ трехъ школъ, существующихъ въ Англіи, имѣетъ какое-нибудь изъ этихъ прикладныхъ занятій. Изъ всѣхъ указанныхъ предметовъ, которыми можетъ быть дополненъ курсъ народной англійской школы, восемь наиболѣе распространены: они преподаются въ пятистахъ и болѣе школахъ; сюда принадлежатъ: алгебра, элементарная наука, французскій языкъ, стенографія, домоводство (домашняя экономія), кулинарное искуство, прачешное дѣло и ручной трудъ. Первые изъ этихъ двухъ предметовъ имѣютъ формально-развивающее дѣйствіе, остальные же преслѣдуютъ чисто-утилитарную цѣль. Такимъ образомъ, въ школу введенъ чисто-научный и чисто-практическій интересъ, формальное и полезное одинаково имѣютъ значеніе въ образованіи народной массы въ Англіи.

Вообще говоря, подобный составъ курса народной школы дѣлаетъ ее очень разнообразной, и въ то же время чрезвычайно гибкой, подвижной и приноровляющейся къ разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ. Объ «единой» школѣ, одинаковой для всѣхъ по курсу, служащей непосредственнымъ звеномъ, вполнѣ облегчающимъ переходъ въ высшую школу, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Въ Англіи уже давно не боятся никакой революціи: господствуетъ наибольшій, чѣмъ гдѣ-либо въ свѣтѣ, соціальный миръ. И должно замѣтить, что это соціальное мирное развитіе было достигнуто вовсе не уравненіемъ всѣхъ въ сферѣ образованія. Еще въ первой трети прошлаго столѣтія было здѣсь громадное рабочее движеніе, сопровождавшееся разрушеніемъ фабрикъ, уничтоженіемъ машинъ. Но затѣмъ оно было улажено, но не путемъ «единой» школы, а тѣмъ, что это рабочее движеніе умѣло было направлено не въ сторону политики, а въ сторону матеріально-экономическую, чрезъ улучшеніе матеріальнаго и соціальнаго положенія рабочаго класса и разграниченіе сферы интересовъ борющихся классовъ.

Если принять во вниманіе громадное разнообразіе мѣстныхъ условій въ Россіи, которая исчисляетъ въ себѣ громадное количество разныхъ народностей, имѣетъ почти всѣ климаты свѣта, то движеніе въ пользу «единой» школы нельзя не признать совершенно не соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ потребностямъ Россіи. Оно толкнетъ русскую школу въ другую сторону отъ ея прямыхъ задачъ служить духовному и промышленному прогрессу.

V.

Американская народная школа, какъ практическое осуществленіе идеи «единой» школы.

Мы видѣли, что съ «единой» школой у ея защитниковъ связано много надеждъ и ожиданій. Она выставляется какъ средство для удовлетворенія соціальной правды, она внесетъ соціальный миръ и согласіе, возвыситъ народную школу и положеніе народнаго учителя. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратиться къ тѣмъ государствамъ, гдѣ эта школа уже существуетъ, т. е. осуществлена фактически и широко въ жизни народа. Въ этомъ случаѣ первое мѣсто принадлежитъ школѣ Американскихъ Соед. Штатовъ. Здѣсь идея единой школы нашла себѣ рѣшительное и почти полное осуществленіе. Всѣ американскіе граждане учатся въ одинаковыхъ для всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ въ восьмиклассной начальной школѣ (primary и grammar schools— дѣти въ возрастѣ отъ 7 до 14); отсюда переходятъ въ среднія школы (High School, въ возрастѣ между 14 и 18 годами); и далѣе поступаютъ въ высшія учебныя заведенія: колледжи и университеты. Образованіе въ Америкѣ безплатно не только въ начальной, но и въ средней школѣ. Ученики пользуются безплатными учебниками и пособіями.

Такая школа въ Америкѣ не придумана и не навязана извнѣ. Она ничто иное, какъ порожденіе и обнаруженіе духа американскаго народа. Про нее можно сказать, въ полномъ смыслѣ слова, что «она школа народа, организуемая и управляемая самимъ народомъ и для народа». Форма народо-правленія, т. е. американская демократія отличается тою главною особенностью, что она предоставляетъ каждому искать счастья собственнымъ путемъ и отнюдь не держитъ его въ условіяхъ зависимости посредствомъ какой-либо, хотя бы незначительной, опеки. Американскіе граждане,—будемъ ли имѣть въ виду древнихъ поселенцевъ или новѣйшихъ эмигрантовъ,—одинаково отвергаютъ всякую форму правительственнаго попеченія (paternalism of government). Въ этой странѣ каждый надѣется только на свою собственную силу; каждый предпочитаетъ не только имѣть собственное мнѣніе, но и имѣть право совершенно обходиться безъ чужой помощи. По статистическимъ даннымъ почти половина населенія (42%) занята фабрично-заводскими промыс-

лами, торговлей и перевозкой. [1] Но было бы грубой ошибкой представлять американцевъ, занимающихся земледѣліемъ, подобными, напр., нашимъ русскимъ крестьянамъ. Въ Америкѣ нѣтъ собственно крестьянства въ нашемъ смыслѣ слова; здѣсь крестьянинъ не «землеробъ», надрывающійся на своемъ клочкѣ земли; здѣсь онъ свободный подвижной человѣкъ, имѣющій свои идеи о земледѣліи, свиньяхъ, птицеводствѣ, но исключительно для своихъ собственныхъ цѣлей. Кромѣ того, въ Америкѣ нѣтъ земледѣльческой (территоріальной) аристократіи, нѣтъ узаконеннаго и признаннаго представительства высшей соціальной структуры, основанной на досугѣ и силѣ. Американское общество соотвѣтствуетъ собственно одному только классу европейскаго общества, именно классу фабрично-промышленному и торговому. Для всей внутренней исторіи американской жизни характерна эта «борьба равныхъ» (conflict of equals), посредствомъ которой выработался существующій типъ американскаго богача и американскаго рабочаго. Представимъ себѣ какой-нибудь европейскій городъ, напр., Ланкаширъ (въ Англіи); въ началѣ, когда промышленность только что стала развиваться, Ланкаширъ представлялъ округъ, гдѣ всѣ жители занимались ткачествомъ; эти ткачи-кустари были болѣе или менѣе равны между собою въ имущественномъ отношеніи; но затѣмъ дѣло стало развиваться, произошла конкурренція въ идеальномъ видѣ, вслѣдствіе которой возникло сосредоточеніе богатства въ рукахъ хозяевъ, а другіе попали въ наемные рабочіе; но для трудолюбивыхъ молодыхъ людей все еще оставалось много шансовъ выдвинуться въ качествѣ лучшихъ мастеровъ. Такимъ путемъ, постепенно создалась организація хозяевъ-нанимателей, которые завладѣли всѣмъ, и стоятъ почти на недосягаемой высотѣ, и въ то же время образовался классъ рабочихъ внизу. Америка собственно повторила подобную исторію роста индустріализма, но только въ гигантскомъ масштабѣ и при неизмѣримомъ разнообразіи формъ.

Вполнѣ становится понятнымъ, что и американская школа выросла на этой же почвѣ, именно на почвѣ «борьбы равныхъ». Отсюда же, американскій народъ больше, чѣмъ какой-либо народъ въ свѣтѣ, склоненъ свое равенство предъ закономъ толковать въ смыслѣ равенства соціальнаго и интеллектуальнаго. [2]

---

[1] См. напр., цифры у Менделѣева. *Къ познанію Россіи.* Стр. 120.

[2] Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что вся вышеприведенная характеристика американскаго общества не есть плодъ нашей фантазіи или нашего личнаго мнѣнія. Она буквально взята изъ книги: *Warum kann die americanische Volksschule nicht leisten, was die deutsche leistet.* (Munden i. W.;

Неудивительно, что такой народъ создалъ для себя особую школу: одинаковую для всѣхъ, всѣмъ равно доступную, съ безплатнымъ обученіемъ и школьными пособіями.

Для ближайшаго знакомства съ американской начальной школой разсмотримъ ея курсъ и изучаемые предметы, пользуясь уже указанной книгой Пэйна. Для сего приводимъ слѣдующую таблицу. Для составленія ея были взяты школы 50-ти американскихъ городовъ, которые содержатъ наибольшій процентъ населенія всѣхъ Соедин. Штатовъ. Значитъ, таблица можетъ дать представленіе о курсѣ обученія въ американской народной школѣ вообще.

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	XI.
Начальныя упражненія Open. Exerc.	9	9	9	9	9	9	9	9	2
Мораль	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Чтеніе	50	50	50	50	50	48	48	4	
Письмо	40	43	42	43	43	42	35	34	4
Орѳографія (Spelling)	38	41	42	42	43	42	44	40	5
Грамматика			7	10	20	32	41	41	10
Роднойязыкъ. Сочиненія (Composition)	46	47	48	49	50	50	50	48	8
Ариѳметика	46	50	50	50	50	50	50	44	8
Алгебра							1	4	3
Географія	7	9	21	43	44	43	42	24	8
Исторія	11	11	12	21	25	31	41	46	10
Гражданство (Civics)	4	4	3	3	3	7	8	8	3
Элементарная наука	32	34	32	30	27	22	24	22	4
Природовѣдѣніе (Natur Study)									
Физіологія	34	32	34	34	35	36	33	30	3
Физическое обученіе (Prysical Training)	25	22	23	24	24	23	23	23	3
Рисованіе	44	43	45	44	45	49	47	43	7
Музыка	44	47	43	42	43	41	42	40	5
Ручной трудъ	6	6	8	10	11	11	16	18	6
Шитье			1	6	10	11	8	6	
Поварское искусство					1	2	4	6	1
Бухгалтерія							1	2	2
Стенографія								1	
Французскій								1	
Нѣмецкій	4	5	6	6	7	7	7	7	
Латинскій					1	1	1	2	

C. Marowsky 1906). Авторъ этой книги нѣмецъ, сорокъ лѣтъ жившій въ Америкѣ и принимавшій самое дѣятельное участіе въ общественной американской жизни. Безспорность и достоинство книги вполнѣ засвидѣтельствованы какъ въ Германіи, напр., такимъ выдающимся педагогомъ, какъ Іенскій профессоръ Рейнъ (см. *Zeitschrift f. Phil. u. Pädagogik* 1905. *Novemb. S.* 92), такъ и въ самой Америкѣ; въ самое недавное время она переведена профессоромъ Колумбійскаго университета Рудольфомъ Томбо и помѣщена въ такомъ авторитетномъ американскомъ журналѣ, какъ *Educational Review.* March 1907. Другая часть характеристики взята изъ извѣстной книги американца Веллса «*The Future in America*». A search after Realities. By H. F. Wells. London 1907.

Цифры таблицы показываютъ, во скольких школахъ изъ числа избранныхъ 50-ти, и въ какихъ классахъ изучается тотъ или другой предметъ; напр., цифра 50 показываетъ, что данный предметъ изучается во всѣхъ взятыхъ городахъ въ тѣхъ классахъ школы, подъ которыми стоитъ это число. Прежде всего изъ этой таблицы мы видимъ, что основное значеніе имѣютъ, какъ и вездѣ въ свѣтѣ, три предмета: чтеніе, письмо и ариѳметика. Этимъ предметамъ принадлежитъ главенство; на таблицѣ это обнаруживается тѣмъ, что, если сложить цифры въ горизонтальномъ порядкѣ, то сумма цифръ, соотвѣтствующая каждому изъ этихъ предметовъ, будетъ наибольшей по сравненію со всѣми другими предметами. Почти такая же важность придается въ американской школѣ, какъ видно изъ таблицы, еще двумъ предметамъ: рисованію и музыкѣ.[1] За ними по важности слѣдуютъ: природовѣдѣніе, физіологія и физическое образованіе; таблица показываетъ, что эти предметы имѣютъ преимущество предъ географіей и исторіей. Бросается въ глаза то, что ариѳметика въ первомъ классѣ изучается не во всѣхъ школахъ, въ четырехъ (46 вм. 50) ея нѣтъ. Такой случай объяснимъ тѣмъ, что въ Америкѣ нѣтъ общей программы, утверждаемой для всѣхъ школъ центральной властью. Здѣсь нѣтъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Извѣстно, что высшее учрежденіе, Bureau of education, является не министерствомъ, а только идейно-руководящимъ и статистически-собирательнымъ учрежденіемъ. Утвержденіе программы зависитъ отъ мѣстныхъ учредителей школъ; и вотъ мы видимъ, что въ 4 городахъ они, по какимъ-то соображеніямъ, не признали нужнымъ включить ариѳметику въ курсъ перваго класса. Нельзя не обратить вниманіе на крайне малое изученіе иностранныхъ языковъ; напр., французскій языкъ изучается только въ одной изъ 50 школъ, да и въ ней только въ одномъ 8-омъ классѣ.

Интересно, въ какомъ объемѣ и въ какихъ классахъ американской народной школы распредѣляются указанные учебные предметы. Въ этомъ отношеніи здѣсь господствуетъ еще большее разнообразіе. Для примѣра мы приводимъ двѣ таблицы; одна показываетъ распредѣленіе въ курсѣ американской школы ариѳметики, другая исторіи. Въ этой таблицѣ для примѣра взяты программы школъ десяти американскихъ городовъ.

---

[1] Эти предметы считаются въ американской школѣ «новыми предметами»; они введены въ курсъ только въ 1888 году.

ТАБЛИЦА

показывающая отдѣлы ариѳметики и ихъ распредѣленіе по классамъ въ народныхъ школахъ (для примѣра взято 10 американскихъ городовъ).

Классы	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Нумерація	10	10	10	8	5	3		1
Нотація	10	10	10	8	5	3		1
Отношеніе чиселъ	7	4	3	1	1			
Сложеніе	8	9	10	8	3	1		
Вычитаніе	5	9	10	8	3	1		
Умноженіе	2	7	7	8	4	1		
Дѣленіе	2	5	6	8	6	3		
Дроби	3	4	6	8	10	9	3	4
Именованныя числа	6	5	4	9	7	10	6	6
Раздробленіе и превращеніе				1	3	2	2	9
Десятичныя дроби					4	8	7	3
Измѣреніе (Mensuration)			1		2	2	3	7
Таблицы умноженія		4	5	4	1	1		
Комиссіонерство и маклерство							5	
Страхованіе							5	1
Проценты				1	2	5	7	5
Отношенія и пропорціи						1	3	5
Правило товарищества							2	4
Правило пропорціональнаго дѣленія							2	4
Общій наибольшій и общій наименьшій дѣлители				2	5			
Пространство и время							2	2
Барышъ и убытокъ							4	1
Таксы (цѣны)							5	
Долги							1	
Банкъ							7	1
Векселя							2	2
Простые проценты				1		3	7	5
Денежныя бумаги и контракты (Stocks and Bonds)							3	1
Торговыя формы (Business Forms)					1	3	1	1

Судя по этой таблицѣ, въ американской школѣ замѣтна одна крупная особенность: учебный предметъ изучается, такъ сказать, небольшими порціями, и знанія по-немногу прибавляются годъ за годомъ. Отсюда мы видимъ повтореніе однихъ и тѣхъ же отдѣловъ въ продолженіе шести, даже восьми лѣтъ обученія. Особенно странно, что даже такіе простые отдѣлы, какъ нумерація, нотація, сложеніе и вычитаніе изучаются въ теченіе шести послѣдовательныхъ лѣтъ. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что дѣти поступаютъ въ школу очень малыми (на 7-мъ году) еще съ неразвитой воспріимчивостью къ школьному обученію; другіе изслѣдователи это относятъ къ недостаткамъ и несовершенству американской педагогіи.[1]

[1] См. кн. Пэйна. Стр. 46.

Слѣдующая таблица показываетъ, какъ преподается исторія въ американскихъ народныхъ школахъ.

Классы	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Американскіе историческіе и біографическіе разсказы	2	3	4	7	7	5	1	2
Мѣстная исторія	2	1	1	3	2	2		
Открытія (Discoveries)			2	4	2	3	4	1
Изслѣдованія (Explorations)			1	2	2	3	2	
Заселеніе (Settlements)			1	1	3	4	3	
Колоніи				1	2	3	4	1
Колоніальное управленіе			1			1	2	1
Революція			1	3	2	4	5	1
Статьи Конфедераціи (Articles of Confederation)						2	4	2
Конституція					1	1	4	5
Поправки къ конституціи							2	5
Французская и индѣйская война					2	3	6	2
Война въ 1812 году				1		2	2	6
Мексиканская война						2	2	5
Гражданская (Civil) война			1			2	7	
Испанско-Американская война						3	1	7
Территорьяльное расширеніе						3	1	5
Изобрѣтенія и открытія				1		4	2	5
Ростъ республиканскаго управленія					1		4	4
Экономическій прогрессъ						1	1	7
Рабство						4	2	1
Президентское управленіе (Presidential Administration)						3		2
Обозрѣніе исторіи Соедин. Штатовъ							1	4
Война Триполи						1	1	1
Эра добрыхъ чувствъ						1	1	3
Доктрина Монрое						1	1	2
Миссурійскій компромиссъ						1	1	3
Отмѣна (Nullification) его						1	1	3
Паника въ 1837 году						1	1	3
Анализъ національнаго управленія						1	2	1
Политическія партіи								1
Анализъ государственнаго управленія							1	2
Городское управленіе				1		2		3
Исторія Штатовъ					1	1	1	1
Нравственные уроки					1	1	1	
Исторія Англіи							2	2

Здѣсь нельзя не отмѣтить того, что въ первыхъ шести классахъ исторія преимущественно преподается въ видѣ историческихъ и біографическихъ разсказовъ. Такая форма преподаванія наиболѣе способна заинтересовать дѣтей, особенно простого народа, и привлечь ихъ къ первоначальному изученію исторіи. Нельзя не отмѣтить того, что во всемъ преподаваніи

преобладаетъ внѣшняя исторія (войны) по сравненію съ движеніями соціальнаго и экономическаго интереса.

Изъ восьмиклассной народной школы ученики въ Америкѣ переходятъ въ среднюю школу (High-School) съ четырехгодичнымъ курсомъ обученія. Мы приводимъ здѣсь описаніе такой школы, данное однимъ педагогическимъ экспертомъ, участникомъ комиссіи Мозели. [1]

«Вотъ описаніе *одной изъ типичныхъ* [2] среднихъ школъ (High-School). Утромъ, безъ четверти въ девять часовъ, въ классахъ раздаются автоматическіе звонки. Ученики и ученицы, въ ритмическомъ порядкѣ подъ музыкальный аккомпаниментъ, собираются въ большую театро-подобную аудиторію, въ которой устроены мѣста для двухъ тысячъ дѣтей. Учительскій персоналъ становится на высокой платформѣ лицомъ къ ученикамъ.[3] Ученики размѣщаются или посрединѣ зала, которая очень напоминаетъ партеръ въ театрѣ, или на балконѣ, который устроенъ кругомъ зала. Богатыя украшенія и лѣпныя работы на стѣнахъ напоминаютъ намъ Лирику или Гайэту. Послѣ того какъ соберутся всѣ, поется гимнъ, читается положенное мѣсто изъ Священнаго писанія. Послѣ того, одинъ изъ учащихся входитъ на платформу и произноситъ наизусть какое-нибудь стихотвореніе или поэму предъ всемъ собраніемъ. Въ немъ не замѣтно ни нервности, ни смущенія. Это практикуется ежедневно и никого не удивляетъ. Послѣ этого ученики снова подъ музыку уходятъ въ свои классы. Школьныя занятія идутъ отъ 9 час. 15 мин. до 12 час. 20 мин.; затѣмъ перерывъ на полчаса для завтрака и кончаются въ 2 час. 30 мин. Такимъ образомъ, происходитъ пять съ половиной

---

[1] Такъ называется педагогическая комиссія, которая въ 1903 г. была составлена однимъ богатымъ англичаниномъ Мозели (Moseley); она состояла изъ профессоровъ, преподавателей и общественныхъ дѣятелей, ѣздила въ Америку для тщательнаго ознакомленія съ системой американскаго образованія. (См. рефератъ объ этомъ въ «*Народномъ Образованіи*», 1904, II. 175). Отчеты и описанія участниковъ этого предпріятія еще доселѣ печатаются въ англійскихъ журналахъ. Приведенное описаніе заимствовано изъ журн. *Pract Teach.* April. 1907. p. 509.

[2] Курсивъ нашъ. Н. Т.

[3] Авторъ описываетъ одну изъ многолюдныхъ школъ. Извѣстно, что здѣсь есть очень многолюдныя школы съ огромнымъ количествомъ преподавателей; напр., есть двѣ школы, гдѣ 101—109 преподавателей, 28 школъ имѣетъ преподавателей свыше 40; но преобладаютъ среднія школы съ однимъ преподавателемъ, такихъ насчитывается до 2.174 школъ, съ двумя преподавателями 1.807 и съ тремя 122,—и т. д. Преобладаніе малыхъ школъ однако не обозначаетъ бѣдной и скудной обстановки. Американцы указываютъ, что подобныя школы имѣютъ нѣкоторыя преимущества предъ большими школами; въ этихъ послѣднихъ дѣло доходитъ до того, что преподаватели даже не знаютъ другъ друга. См. Neglected aspect the American. High School. By Thorndike въ *Educ. Rev.* March. 1907.

часовъ напряженной работы съ получасовымъ отдыхомъ. Въ классныхъ комнатахъ бѣдныя и богатыя сидятъ вмѣстѣ; иногда «цвѣтная дѣвушка» сидитъ рядомъ съ бѣлой и дочь милліонера съ сыномъ трамвайнаго кондуктора. Послѣ занятій устраивается состязательная игра (basket-ball match) между двумя такими школами, въ крытомъ гимнастическомъ залѣ. Мальчики и дѣвочки наблюдаютъ съ балкона и поютъ, на одной сторонѣ, пэанъ побѣдителю, если онъ принадлежитъ къ ихъ числу, на другой сторонѣ раздается пѣснь ободренія, если послѣдовала неудача. Послѣ матча всѣ идутъ домой въ хорошемъ расположеніи духа, съ готовностью посвятить два или три часа для приготовленія къ слѣдующему дню».

Изъ всего, что сказано объ организаціи школы, мы видимъ, что американцы дѣйствительно имѣютъ лучшую въ мірѣ школу, богато обставленную съ внѣшней стороны: богатѣйшая нація не щадитъ денегъ на свое образованіе. Защитники «единой» школы давно указываютъ на американскую народную школу, какъ на осуществленіе своей идеи.

И дѣйствительно, въ Америкѣ всѣ граждане, безъ различія общественнаго положенія и имущественнаго состоянія, учатся въ одной восьмилѣтней школѣ, откуда могутъ переходить безпрепятственно въ среднюю школу и затѣмъ въ высшую школу: колледжи и университеты; учатся безплатно и при даровыхъ школьныхъ учебникахъ и пособіяхъ.

Если такова американская школа, то остается лишь одно: изслѣдовать, сопровождается-ли она тѣми благодѣтельными слѣдствіями, какихъ ожидаютъ отъ «единой школы» ея сторонники. Внесла-ли она согласіе и миръ въ американскую культурную жизнь, возстановила-ли она соціальную правду, изгладила-ли неравенство въ общественной и частной жизни, возвысила-ли положеніе учителя. Увы! На эти вопросы можно отвѣтить только отрицательно; нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такой капиталистической эксплоатаціи рабочихъ и народныхъ массъ, какъ въ Америкѣ; здѣсь эта производится частными лицами, а также трестами и синдикатами. Положеніе учителей здѣсь крайне незавидно и не можетъ даже быть сравнено съ положеніемъ учителей, напр., въ Германіи. Въ Соединен. Штатахъ каждый учитель состоитъ въ отношеніяхъ найма; когда срокъ найма кончается, учитель выбрасывается на улицу и никто ему ни остается чѣмъ-нибудь должнымъ. Школьное управленіе и надзоръ здѣсь находятся въ рукахъ политическихъ партій; судьба учителей также зависитъ отъ того, какая партія

восторжествуетъ. Здѣсь учителямъ нѣтъ пенсіи, и даже ихъ сиротамъ. Городскія и сельскія общества дѣлаютъ громадныя затраты на школьныя зданія-дворцы, на ученыя и учебныя пособія; нерѣдко въ этомъ отношеніи дѣло доходитъ до роскоши и расточительности, но положеніе учителей и ихъ образованіе заставляютъ желать очень многаго. Правда, на первый взглядъ кажется, что учащіе въ американскихъ школахъ получаютъ большое жалованье; судя по отчетамъ, учителя получаютъ до 55 долларовъ, т. е. 100 руб., учительницы 43 дол., т. е. 86 рублей. Это обстоятельство заставило даже одного русскаго автора сказать: «отсюда видно, насколько лучше матеріально поставленъ преподавательскій персоналъ въ Соединенныхъ Штатахъ.[1] Но здѣсь простое недоразумѣніе. Здѣсь не принята во вниманіе дороговизна жизни въ Америкѣ. Если англичане говорятъ, что жизнь въ Америкѣ дважды дороже, чѣмъ въ Англіи, то по сравненію съ Россіей она дороже по крайней мѣрѣ въ три раза. Изъ этого видно, что на самомъ дѣлѣ американскіе народные учителя, даже по сравненію съ русскими, получаютъ очень незавидное жалованье. Недаромъ нѣмцы говорятъ, что «ни одинъ учитель Германіи не захочетъ помѣняться своимъ мѣстомъ съ американскимъ учителемъ». Незначительностью вознагражденія объясняется и то, что въ Соед. Штатахъ гораздо больше учительницъ по сравненію съ съ учителями (первыхъ 350 тысячъ изъ 460 тысячъ—общаго количества учащихъ). Мужской трудъ въ Америкѣ цѣнится дорого; извѣстно, что здѣсь простой рабочій, хорошій мастеръ зарабатываетъ рублей 5 въ день.

Въ высшей степени важно выяснить, удовлетворяетъ-ли американскій народъ существующая у него «единая» и «равная» для всѣхъ школа. На первый разъ кажется, что здѣсь даже не можетъ быть вопроса. Очевидно, такая школа его удовлетворяетъ, иначе онъ не создалъ-бы ее для себя. Но на самомъ дѣлѣ, отношеніе народа къ школѣ не въ такой степени простое. Несомнѣнно, американскій народъ очень *доволенъ* своей школой; и въ самомъ дѣлѣ она прекрасна и соотвѣтствуетъ духу американской демократіи, она одна для всѣхъ, доступна для всѣхъ, безплатна для всѣхъ. Этимъ и объясняется то, что американскій народъ любитъ свою школу, проявляетъ громадный энтузіазмъ въ своемъ школьномъ дѣлѣ, богато и даже роскошно обставляетъ свою школу и, вообще, не щадитъ

[1] Проф. И. Озеровъ въ газ. «*Русское Слово*» 1907 г., 240, въ ст. Наше народное образованіе.

на школу денегъ; государственный расходъ на народное образованіе въ Америкѣ простирается отъ 4 р. 28 коп. до 14 руб. (въ штатѣ Манитобѣ) на каждаго человѣка; нигдѣ въ мірѣ не расходуется такъ много денегъ на школу: въ Англіи 3 р. 80 к., въ Пруссіи 3 руб. 72 коп., въ Германіи 3 руб. 54 коп., а въ Россіи только 44 коп. И однако необходимо сказать, что «быть довольнымъ» школой и «быть удовлетвореннымъ» школой— двѣ вещи разныя. Представимъ себѣ богатаго человѣка, имѣющаго прекрасный и дорого стоющій домъ. Но изъ всей своей роскошной квартиры онъ живетъ только въ двухъ или трехъ какихъ-либо комнатахъ, остальныя же комнаты служатъ только на «всякій случай» и остаются собственно необитаемыми. Такой богачъ можетъ быть очень доволенъ своимъ домомъ, но можно-ли сказать, что этотъ роскошный домъ удовлетворяетъ его: вѣдь, этотъ богачъ собственно удовлетворяется тѣми двумя или тремя комнатами, въ которыхъ онъ живетъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ школьномъ дѣлѣ. Народъ не только заводитъ и строитъ школу, но онъ долженъ какъ можно лучше посѣщать ее, онъ долженъ во всей полнотѣ пользоваться ею; и только въ такомъ случаѣ можно сказать, что школа удовлетворяетъ народъ. Но объ американской школѣ, хотя она «едина» и всеобща, какъ разъ этого и нельзя сказать. Народъ, создавши себѣ такую школу, пользуется ею не въ той мѣрѣ, какой можно было ожидать. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ увеличилось всего 18.896.000 учениковъ и учениць. Но ежедневно посѣщало школу гораздо меньшее количество дѣтей. Въ среднемъ каждый день было въ школѣ (the average daily attendance) только 11.468.000, т. е. только 60%;[1] изъ 100 учениковъ посѣщающихъ школу, было въ школѣ, въ среднемъ выводѣ за годъ, только 60 учениковъ. Такое уклоненіе отъ посѣщенія школы весьма странно, такъ какъ американская школа, какъ мы видѣли, великолѣпно обставлена и должна быть, слѣдов., привлекательной для учениковъ. Можетъ быть, маленькій американецъ больше учится въ теченіи года? И этого нѣтъ. Въ настоящее время вполнѣ выяснено, что школьный годъ въ Америкѣ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ; напр., въ Англіи онъ никогда не бываетъ менѣе 200 дней а въ Америкѣ продолжительность его равняется отъ $133^1/_5$ дня до 175 дней (въ городахъ). По сравненію со школой въ

---

[1] См. *Journal of Educ.* March. 7. 1907. p. 272.

Пруссіи, дѣти въ Америкѣ учатся меньше на 5 часовъ 25 минутъ въ недѣлю. Если же исключить изъ прусской школы часы, посвящаемые изученію религіи, соотвѣтственно тому, что въ Америкѣ религія не является предметомъ школьнаго курса, то всетаки окажется, что американскій ученикъ учится меньше нѣмецкаго на 1 часъ 23 минуты въ недѣлю.[1]

Отношеніе американскаго народа къ своей «единой» школѣ еще болѣе выяснится, если посмотрѣть, сколько дѣтей учится въ Америкѣ въ каждомъ классѣ начальной и средней школы. Мы беремъ данныя, опубликованныя National Bureau of Education въ Америкѣ для всемірной выставки въ С.-Луи.

Всего учениковъ въ различныхъ классахъ народной школы было:

Начальная школа.		
Первый классъ,	шестой годъ	5,149,296
Второй »	седьмой	2,912,462
Третій »	восьмой	2,426,263
Четвертый »	девятый	2,168,956
Пятый »	десятый	1,288,114
Шестой »	одиннадцатый	700,885
Седьмой »	двѣнадцатый	405,693
Восьмой »	тринадцатый	323,607
	Всего въ начальной школѣ	15,375,276
Средняя школа (High School).		
Первый классъ	четырнадцатый годъ	243,433
Второй »	пятнадцатый	147,192
Третій »	шестнадцатый	101,903
Четвертый »	семнадцатый	73,596
	Всего въ средней школѣ	566,124

Если мы сравнимъ число всѣхъ учениковъ начальной школы съ числомъ ихъ въ средней школѣ и вычислимъ процентное отношеніе, то увидимъ, что во всѣхъ среднихъ школахъ учится только 3,7% изъ того количества дѣтей, которыя начинаютъ свое образованіе въ начальной школѣ; а если взять количество дѣтей второго класса на седьмомъ году [2] (2.912.462) и сравнить съ количествомъ учениковъ, кончающихъ среднюю школу (73.596), то окажется, что изъ нихъ въ средней школѣ кончаетъ только 2,7%; т. е. изъ 100 дѣтей меньше

[1] Объ этомъ въ упомянутой книгѣ Bruce Payne: «*Public elementary school curricula*» pp. 77, 116.

[2] Не беремъ первую цифру въ указанной таблицѣ число дѣтей на шестомъ году (5.149.296), потому что ея громадное уменьшеніе, сравнительно съ слѣдующимъ годомъ, объясняется не характеромъ школы и не конфликтомъ ея съ требованіями жизни, а скорѣе дѣтскою смертностью и болѣзнями.

чѣмъ три человѣка кончаютъ среднюю школу. Такимъ образомъ выходитъ, что американскій народъ, имѣя самую дорогую въ мірѣ школу, при томъ «единую» и «всеобщую», пользуется ею сравнительно въ весьма малой степени. Это несовершенство американской школы, конечно, не могло не обратить вниманіе самихъ американцевъ. Можно сказать, что этотъ вопросъ уже съ давняго времени является самымъ основнымъ и наиболѣе труднымъ, къ рѣшенію котораго стремится американская педагогія. Вотъ что говорится по этому поводу въ одной вліятельной американской газетѣ: «Мы имѣемъ около 27.000.000 дѣтей и молодыхъ людей, находящихся въ періодѣ школьнаго возраста. Число зарегистрованныхъ въ школѣ учащихся 16.000.000; однако, ежедневное посѣщеніе школы едва достигаетъ 12.000.000, включая учениковъ среднихъ школъ. Въ то время какъ у насъ 11.000.000 учащагося юношества, которое должно было продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на самомъ дѣлѣ въ университетахъ и колледжахъ находится меньше 175.000 студентовъ.[1] Несомнѣнно, учениковъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ было бы гораздо больше, если-бы обученіе въ нихъ и по методамъ и по учебному матеріалу было инымъ, а теперь оно только ставитъ открытый вопросъ о томъ, не теряютъ-ли наши молодые люди и дѣвушки, посѣщая эти заведенія, слишкомъ много дорогого времени на такія пріобрѣтенія, которыми весьма мало приходится пользоваться въ жизни. Меньше половины дѣтей узаконеннаго для школы возраста въ дѣйствительности посѣщаютъ школу! Меньше трехъ процентовъ подростающаго поколѣнія учится въ среднихъ школахъ! Что думаютъ у насъ родители дѣтей?»[2]

Намъ кажется, что указываемая здѣсь сторона американской школы способна отпугнуть отъ идеи «единой» и «всеобщей» школы даже самыхъ рьяныхъ ея защитниковъ. Въ самомъ дѣлѣ стóитъ ли думать этимъ мечтателямъ о такой

---

[1] По статистикѣ 1906 года въ колледжахъ и университатахъ было 138.544 студента См. *Journ. of Educ.* loc. cit. Н. Тич.

[2] Изъ еженедѣльнаго журнала *Saturday evening post* February 18, 1905. Журналъ этотъ основанъ Веньяминомъ Франклиномъ, имѣютъ теперь 800.000 подписчиковъ и пользуется очень большимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе страны. Цит. по книгѣ: *Varum kann etc.*

Вмѣстѣ съ этимъ нельзя не указать на то, что въ Америкѣ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ, происходитъ злоупотребленіе (эксплотація) дѣтскимъ трудомъ. Законъ о дѣтскомъ трудѣ (Child Labor Law) существуетъ, но «уклоненія отъ него очень просты и легки». Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробности этой стороны американской жизни. Желающему можно указать на книги: Mr. Robert Hunter: «*Poverty*» и Mr.

школѣ, при которой въ лучшемъ случаѣ только три человѣка изъ сотни будутъ пользоваться благами образованія. Оказывается, что «единая» школа не способна вызвать широкаго распространенія, диффузіи образованія въ массы простого народа. Что же можно ожидать въ Россіи? Вѣдь, въ Америкѣ, напр., имѣется больше 500 колледжей и университетовъ и до 7.200 среднихъ школъ; въ примѣненіи къ Россіи это бы значило, что не только въ нашихъ всѣхъ губернскихъ 89 городахъ, но и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ явились свои университеты, а во всѣхъ 816 уѣздныхъ городахъ, и кромѣ нихъ во всѣхъ большихъ селахъ возникли среднія учебныя заведенія, въ родѣ гимназій или реальныхъ училищъ. И только при такихъ условіяхъ возможно ожидать, что какихъ-то три процента населенія будутъ посѣщать эти школы. Кромѣ того замѣтимъ, что даже Америкѣ съ ея громадными богатствами только въ сравнительно недавное время удалось достигнуть этого всеобщаго, безплатнаго обученія. Безплатные учебники въ народныхъ школахъ только были введены въ 1884 году, а въ средней школѣ безплатное обученіе введено только съ 1891 года.[1] Все это показываетъ, что въ Россіи вовсе нѣтъ для «единой» школы условій, подобныхъ тѣмъ, какія существуютъ въ Америкѣ.

VI.

Вопросы, связанные и связываемые съ «единой» школой.

Идея «единой» школы, явившись недавно, получила въ Россіи широкое распространеніе, попала въ программы политическихъ партій и пріобрѣла нѣкоторыхъ сторонниковъ среди русскихъ педагоговъ.[2] Но мы видѣли, что по существу эта

Spargo: «*The Bitter Cry of the Children*» и, наконецъ, книгу Wells «*The Future of America*». Послѣдній авторъ говоритъ въ своей книгѣ: «Эти дѣти, занятыя трудомъ, не могутъ учиться въ школѣ читать,—хотя они будутъ пользоваться правами политическихъ выборовъ, они не будутъ приспособлены къ тому, чтобы держать въ рукахъ солдатское оружіе, они не будутъ даже людьми въ хорошемъ смыслѣ этого слова, а только въ подломъ превратномъ смыслѣ sweater'овъ. Какъ жалко они отомстятъ за себя впослѣдствіи, давши богатый матеріалъ для порока, преступленій и для еще болѣе преступныхъ политическихъ сдѣлокъ (manipulations). Одинъ милліонъ-семь сотъ дѣтей, практически не получившихъ образованія, надрывающихся надъ трудомъ и растущихъ темными, невѣжественными и опасными—является огромнымъ предостереженіемъ для будущности Америки».

[1] См. книгу проф. Edw. Dexter'a: *A History of Education in the United States* N. Y. 1904. p. 101.

[2] П. Вахтеровъ. *Спорные вопросы образованія*. Изд. И. Сытина. М. 1907. «Возможно ли общее, для всѣхъ равное образованіе».

идея только обманчивый призракъ, далекій заманчивый миражъ, и она не можетъ быть дѣйствительнымъ основаніемъ школьной организаціи. Въ настоящее время эта идея даже можетъ принести вредъ: она отвлечетъ силу общественнаго движенія отъ насущныхъ потребностей реальной школьной политики въ сторону неосуществимыхъ задачъ. Россіи долго еще придется тащиться въ хвостѣ европейской культуры, если ея школѣ будетъ навязана задача уравнять всѣхъ и каждаго въ сферѣ образованія.

Приходится думать, что увлеченіе «единой» школой стало возможнымъ не вслѣдствіе ея чисто педагогическихъ и практическихъ достоинствъ, а по другимъ причинамъ. Для такого увлеченія существуетъ очень удобная подпочва—недовольство существующей постановкой школьнаго дѣла и связанное съ нимъ стремленіе къ реформированію его на какихъ-либо другихъ основаніяхъ. Причинъ этого недовольства дѣйствительно много. До самаго послѣдняго времени вниманіе правительства и общества сосредоточивалось главнымъ образомъ на средней школѣ, а не на народной—эта послѣдняя и теперь находится въ загонѣ. Она находится въ гораздо худшемъ положеніи по сравненію со средней школой: переполнена учащимися, весьма небогата учебными пособіями, помѣщается въ бѣдныхъ и даже совсѣмъ неприспособленныхъ школьныхъ зданіяхъ, имѣетъ плохо обезпеченныхъ и менѣе опытныхъ учителей. Къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ она даже является прямо жалкой, не школой для народа, а почти буквально школой для нищихъ. Удивительно ли, что этотъ призракъ нищенской школы пугаетъ тѣхъ, кто работаетъ въ народной школѣ или просто знаетъ ее. Отсюда одинъ только шагъ до утопическихъ мечтаній объ «единой» школѣ. Вѣдь, съ нею связываются очень широкія надежды: она возвыситъ взглядъ на народную школу, улучшитъ ея состояніе и положеніе учителя. При «единой» школѣ люди богатые и знатные должны заботиться о народной школѣ, такъ какъ въ ней будутъ сидѣть ихъ собственныя дѣти. Теперь же каждый разсуждаетъ иначе: «для народной школы и это хорошо, а своего сынка я пошлю въ гимназію». Подобныя надежды на благодѣтельность «единой» школы, конечно, только гадательны. Необезпеченность и тяжелыя условія американскихъ учителей всего лучше доказываютъ это. Однако, до тѣхъ поръ, пока правительство и общество не возьмутся, какъ слѣдуетъ, за народную школу, не сдѣлаютъ ее въ истинномъ смыслѣ образовательнымъ учре-

жденіемъ, пребываніе въ которомъ могло бы быть цѣннымъ и важнымъ для каждаго,—до тѣхъ поръ заманчивый миражъ «единой» школы не потеряетъ своей притягательной силы.

Другой вопросъ, связанный съ «единствомъ» школы и придающій этой идеѣ нѣкоторое значеніе,—есть вопросъ о даровитыхъ и талантливыхъ дѣтяхъ изъ народа. Что талантовъ и дарованій въ средѣ простого русскаго народа очень много, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только длинный рядъ замѣчательныхъ самоучекъ и изобрѣтателей, но и авторитетныя указанія такихъ знатоковъ народной жизни и народной психологіи, какимъ былъ, напр., С. А. Рачинскій. Судьба этихъ талантовъ печальна: они безслѣдно теряются въ народной массѣ, пропадая даромъ для культурной работы. Обыкновенно каждый законоучитель и учитель встрѣчаютъ такихъ чрезвычайно одаренныхъ дѣтей и очень печалятся объ ихъ судьбѣ. Но что могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи священникъ и учитель, когда у насъ всюду страшная бѣдность и ничего не организовано. Мы видѣли, что этотъ вопросъ о даровитыхъ ученикахъ только внѣшнимъ образомъ связывается съ идеей единства школы и для своего рѣшенія вовсе не требуетъ механическаго и общаго уравниванія всѣхъ въ дѣлѣ образованія. Но онъ непремѣнно долженъ быть рѣшенъ. Это послужитъ ко благу всѣхъ сословій, всего государства. Доступъ новымъ и свѣжимъ талантамъ изъ народа къ религіи, искусству, наукамъ, къ государственному правленію и къ широкой общественной дѣятельности долженъ быть облегченъ. Должно быть непремѣнно организовано «Общество попеченія о талантливыхъ ученикахъ изъ народа»; это—дѣло настоятельной необходимости. Благодаря такой организаціи всякій хорошій учитель и законоучитель имѣли бы возможность заботиться о талантливомъ и выдающемся ученикѣ, и по окончаніи народной школы могли бы его отправлять въ города, гдѣ есть школы высшаго типа; здѣсь болѣе вліятельные члены этого общества могли бы взять на себя заботу о помѣщеніи такихъ дѣтей во всевозможныя училища: художественныя, военныя, духовныя, обще-образовательныя, смотря по склонности дѣтей. Здѣсь нужны большіе жертвованные капиталы, необходима помощь со стороны государства.

Въ-третьихъ, идея «единой» школы получила въ настоящее время широкое распространеніе и потому, что съ нею неправильно смѣшивается *понятіе объ единствѣ образовательнаго идеала*. Увеличивающаяся спеціализація

образованія, разнообразіе всевозможныхъ школъ и образовательныхъ учрежденій могутъ внести, въ концѣ концовъ, вавилонское смѣшеніе и путаницу въ систему образованія и подорвать духовное единство народа, взаимное пониманіе и близость разныхъ слоевъ общества. Потребность въ выработкѣ образовательнаго идеала, который объединялъ бы одной существенной идеей всѣ самыя разнообразныя формы образованія, чувствуется все болѣе и болѣе. Въ отвѣтъ на эту потребность сторонники «единой» школы и выдвигаютъ ее, какъ такую организацію, которая способна всѣхъ сравнять въ отношеніи образованія. Но, къ сожалѣнію, подобнымъ образомъ мы не достигаемъ, а еще болѣе отодвигаемся отъ искомаго идеала. Единство общаго національнаго образовательнаго идеала вовсе не нуждается во внѣшней организаціи, въ общей, всякія различія уравнивающей и сглаживающей, формѣ. Этотъ капитальный вопросъ объ единомъ образовательномъ идеалѣ былъ давно уже поставленъ въ исторіи русскаго образованія, потребность въ немъ была формулирована въ чрезвычайно ясной и живой формѣ знаменитымъ Н. И. Пироговымъ, замѣчательнымъ педагогомъ 60-хъ годовъ и крупнымъ человѣкомъ науки, не только въ отвлеченномъ смыслѣ, но и въ смыслѣ живого дѣла. Его статья «Вопросы жизни» вызвала, какъ извѣстно, цѣлое движеніе въ тогдашней жизни. Она нашла чрезвычайно живой откликъ въ обществѣ и въ литературѣ того времени. О ней, по свидѣтельству современника, заговорили всюду: «въ клубахъ, въ семьяхъ, гдѣ до того времени почти ничего не читали, въ высшемъ обществѣ, въ гимназіяхъ, въ приходскихъ училищахъ». Подъ вліяніемъ этого движенія появились первые въ Россіи спеціально-педагогическіе журналы (съ 1857 г. стали издаваться «Русскій педагогическій вѣстникъ» и «Журналъ для воспитанія»). Этотъ фактъ служитъ наилучшимъ свидѣтельствомъ о томъ, что вопросъ объ идеалѣ образованія не праздный вопросъ для школы, что онъ имѣетъ въ себѣ двигательную силу и неотступно требуетъ рѣшенія.

«Къ чему вы готовите вашего сына?» кто-то спросилъ меня,—писалъ Пироговъ въ началѣ своей статьи.—Быть человѣкомъ,—отвѣчалъ я. «Развѣ вы не знаете, сказалъ спросившій, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ; это одно отвлеченіе, вовсе не нужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.—Правда это, или нѣтъ?» Въ такой рѣзкой формѣ ста-

вить Пироговъ вопросъ объ идеалѣ, необходимомъ для каждой школы, если она хочетъ изъ своего питомца сдѣлать не только спеціалиста, но и человѣка. Слова Пирогова живо даютъ почувствовать, что этотъ идеалъ выходитъ изъ рамокъ той или другой спеціальности, онъ находится внѣ и выше ихъ Онъ пріоткрываетъ дверь внутрь, въ святилище духа, входъ къ которому долженъ быть доступенъ всякому истинно-образованному. «Общество, къ счастью для большой массы, само безъ ихъ сознанія, задаетъ и рѣшаетъ эти вопросы объ идеалѣ образованія, и даетъ этой массѣ, пользуясь ея силою инерціи, извѣстное направленіе, которое она считаетъ лучшимъ для своего благосостоянія», справедливо говоритъ Пироговъ. Въ чемъ должно состоять то внутреннее единство, которое должно проникать и связывать всѣ многоразличныя образовательныя учрежденія и формы. Въ чемъ заключается тотъ идеалъ образованія, который лежитъ въ глубинѣ всякаго педагогическаго дѣла. Этимъ связующимъ звеномъ, по мысли Пирогова, является нравственно-религіозное жизнепониманіе, которое одинаково должно во всѣхъ слояхъ общества объединять людей одной жизненной задачей.

«Представьте же теперь, что вы, по милости другихъ особъ, которыхъ вы никогда и въ лицо не знаете, родились, какъ водится, на свѣтъ. Васъ не спросясь, окрестили. Вы, въ свою очередь, также никого не спросясь выросли понемногу.—Богу одному извѣстно для чего, въ васъ родилось желаніе, что называется, осмотрѣться. Вы достигли уже того періода жизни, въ которомъ и умъ и чувство начинаютъ сильно тревожить васъ: первый, задавая вамъ такіе вопросы, которыхъ вы не въ состояніи еще рѣшить; второй—поджигая противъ васъ безпрестанно инстинкты и чувственность. Вы начинаете понемногу вникать и анализировать, чему васъ учили и что дѣлается вокругъ васъ. Вы вспоминаете—васъ учили, что когда-то существовалъ другой міръ, въ которомъ люди и мыслили и поступали не такъ, какъ должно. Они жили просто, чтобы жить. Копили деньги и тратили ихъ. Ѣли, пили, плясали, ходили въ бани, нѣжились, бранились, дрались и кутили напропалую. Хоть между ними были и добрые, умные и степенные люди, но всѣ они все-таки ходили въ потемкахъ, не зная, что есть еще что-то получше этой жизни. Правда, у нихъ былъ Аидъ и Елисейскія поля. Но эти мѣста были гдѣ-то также на землѣ или въ землѣ, и то не для души, и для тѣней. Васъ учили, что Воплощенное Слово разсѣяло ту тьму и положило

конецъ безтолковому разгулу. Міръ получилъ Откровеніе. Васъ учили, что Откровеніе, приподнявъ таинственную завѣсу, показало отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: стремись туда. Одушевленные благодѣтельнымъ словомъ Откровенія, вы смотрите вокругъ себя, и что же? Вы видите, окружающая васъ толпа разыгрываетъ тѣ же грязныя вакханаліи паганизма, которое Откровеніе объявило роковой препоной къ достиженію истиннаго счастья. Вы начинаете еще глубже вникать и анализировать, и находите себя въ критическомъ положеніи. Вамъ предстоитъ безутѣшная альтернатива: или дерзновенно отвергнуть заповѣдныя завѣщанія Откровенія или вступить во вражду съ міромъ». И только путемъ внутренняго созерцанія, самопознанія и самоанализа, вы получаете все болѣе и болѣе ясныя понятія о вашей нравственной двойственности (инстинкты и голосъ совѣсти); научившись уже нѣсколько управлять ею, вы убѣждаетесь, наконецъ, что борьба съ этою двойственностью, безпрестанное стремленіе привесть ее къ одному знаменателю—цѣль здѣшней жизни, ваше прямое назначеніе на землѣ. Борьба, но не вражда. Не враждуя съ вашей матеріей, не враждуя съ окружающими васъ, вы должны вступить въ эту высокую идеальную борьбу для недосягаемаго на землѣ идеала. Такимъ отвлеченіемъ и самопознаніемъ вы достигаете до познанія началъ святого Откровенія, основную мысль котораго составляетъ эта же самая борьба на землѣ, для достиженія блаженства за гробомъ».[1]

Это религіозно-нравственное жизнепониманіе, о которомъ говоритъ Ппроговъ, достигается въ школѣ познаніемъ христіанской религіи, изученіемъ родной литературы и исторіи. Вотъ эти предметы и должны быть въ центрѣ всякой школы, отъ низшей до высшей. Если бы эта центральная основа курса національнаго образованія была разработана въ научномъ, въ педагогическомъ и методическомъ отношеніи, то вопросъ объ единствѣ въ сферѣ образованія разрѣшался бы или приближался бы къ разрѣшенію самъ собою, безъ выравнивающаго механизма «единой» школы. Никто не будетъ отрицать, что извѣстная одинаковость въ путяхъ образованія и въ образовательномъ матеріалѣ весьма желательна, даже необходима для взаимнаго внутренняго пониманія различныхъ слоевъ общества. Безъ этого внутреннее отчужденіе интеллигенціи и народа будетъ все больше возрастать. Какъ возможна истинно-

---

[1] Цит. взята изъ статьи «Вопросы жизни».

культурная дѣятельность среди народа, когда человѣкъ, кончая высшую школу, только и знаетъ одну свою спеціальную работу въ родѣ «резекціи голеностопнаго сустава», или естествовѣдъ выходитъ изъ университета, спеціально изучивши біологію того грибка (Gymnoascus), который былъ открытъ однимъ русскимъ профессоромъ на старомъ конскомъ навозѣ въ видѣ розоватыхъ капелекъ.

Итакъ, путеводнымъ огненнымъ столпомъ для педагога долженъ быть единый идеалъ образованія и столь высокій, что при свѣтѣ его ничто не можетъ устоять нечистое и низкое. Нельзя не отмѣтить того, что этотъ идеалъ, къ сожалѣнію, слишкомъ затемненъ русскими поборниками «единой» школы, насколько они высказываются по этому случаю. Почти всѣ они на религію и религіозную мысль смотрятъ или какъ на силу, почти враждебную культурѣ, или наоборотъ, видятъ въ ней не живую силу, а только простой пережитокъ старины, который чѣмъ скорѣе исчезнетъ, тѣмъ лучше. Уже это одно показываетъ, что они строятъ зданіе на пескѣ.

2007044298